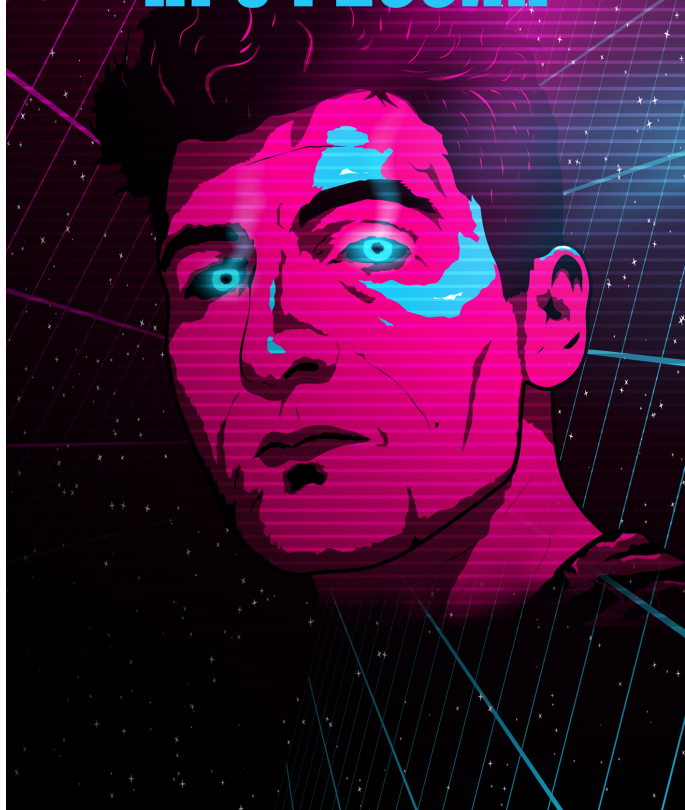

ОЛЕГ ДИВОВ

ВРЕДНАЯ ПРОФЕССИЯ

Олег Игоревич Дивов

Вредная профессия (сборник)

Серия «Сборник 'Вредная профессия'»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179170
Олег Дивов. Вредная профессия: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25851-2

Аннотация

Это книга о людях, у которых вредные профессии и непростая жизнь. Могут ли договориться рыцарь и разбойник? Как стал ирландцем капитан Блад? Кто страшнее всех в Конькове? О чем поет группа «Big Mistake!» и когда она заткнется? Зачем делать из отбойного молотка пулемет? А что будет, когда танки русских подойдут к Москве? И до чего в итоге допрыгался Енот?

И когда же начнется муйня?!

Новые рассказы Олега Дивова: все с двойным дном, каждый с подковыркой. За уморительно-смешной формой может скрываться очень серьезное содержание. А простая история вдруг обернется глубокой трагедией. Или наоборот.

Помимо новейших текстов, в сборник вошли четыре проверенных временем хита: «Вредная профессия», «Закон лома», «Эпоха великих соблазнов», «Параноик Никанор». Оцените, как изменился Дивов за пять лет. Или не изменился. В любом случае – к лучшему.

И напоследок совет. Следите за рекламой :).

Содержание

Когда начнется муйня

Вредная профессия

Мы идем на Кюрасао

Енот допрыгался

Параноик Никанор

Эпоха великих соблазнов

Дотянуть до точки встречи

Рыцарь и разбойник

Закон лома для замкнутой цепи

Музыка русской Америки

Отчет об испытаниях ПП «Жыдобой» конструкции ДРСУ-105

Работа по призванию

Кто сказал, что фантастика – жанр?

В Конькове мерзкая погода

Стояние на реке Москве

Боб и Боб стартуют в историю

Последний трамвай в мейнстрим

Шаманские пляски

Награды с невменяемым жюри

Эксклюзивное интервью

Содержание

Рассказы	6
ООО «Психотроника»	7
Когда начнется муйня	9
ООО «Психотроника»	22
Вредная профессия	25
ООО «Психотроника»	59
Мы идем на Кюрасао	62
ООО «Психотроника»	98
Енот допрыгался	100
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Олег Дивов

Вредная профессия

(сборник)

Рассказы

ООО «Психотроника»

**Только у нас! Для Вас и
Ваших деловых партнеров!**

- панические атаки
- бред воздействия
- страхи в ассортименте

Специальное предложение:

- сексуальные расстройства

Эксклюзивная VIP-услуга:

- разрыв гештальта

Для корпоративных клиентов:

- офисное бешенство

- групповая паранойя
- массовые беспорядки

Комплексное обслуживание:

- функциональная неврология и психосоматика

NEW!

- свободно плавающая тревога

Работаем до последнего клиента

Когда начнется муйня

Пульты раздавали всем желающим.

Сказали, третьего октября на каждом пульте замигает лампочка. Будет мигать пятнадцать минут. Если в это время нажмешь кнопку, значит, проголосовал. Наберем достаточно голосов – начнется муйня.

Сказали, может, не сразу. Россия страна большая, не исключены технические неполадки и организационные трудности. Но раз пообещали – сделаем.

Вовка, бабы Кати внук, работал продавцом в магазине «Напильники» и сложной техники не боялся. Парень руко-
стый, он первым делом свой пульт разломал. Нашел внутри таймер из дешевых китайских часов, светодиод и крошечную микросхемку. Ковырял так и этак, ничего не понял. И собрать пульт обратно не смог. Пошел взять новый, отстоял час в очереди, а ему не дали. Сказали, у нас по спискам, и ты уже брал. Он говорит, я потерял. Ему – не волнует. В России свобода, пользуйся, как хочешь. Можешь свой пульт терять, ломать, выкидывать, да хоть пропей его. А можешь дождаться времени и проголосовать за муйню. Твой личный выбор, юноша. Но второй пульт – фиг тебе. Это, сынок, называется демократия. Не задерживай очередь. И друзьям своим расскажи.

Баба Катя внука отчехвостила. Тот удивился – бабуля, ты

же против муйни вроде и пульт не брала. Если так переживаешь, пойди возьми, мне отдай... А ты, баба Катя его спрашивает, проголосуешь тогда за муйню? Вовка: я еще подумую, конечно, но сама погляди, такое вокруг болото, такая сизая тоска. Вроде и работа есть у каждого пацана, и в армию не берут, и международное положение наладилось. Короче, живи не хочу, а жить-то не хочется. Ничего же не происходит! И наши в футбол то выиграют, то проиграют, то выиграют, то проиграют – нервы уже на пределе буквально.

Да, и Ленка рыжая, продавщица из магазина «Брюки», которая как бы невеста Вовкина, того же мнения. Скука кругом невыносимая, хоть на стенку лезь. Сказала, тут и муйне обрадуешься, лишь бы что-то с места стронулось.

Дураки вы, баба Катя говорит. Они вам стронут. Они такую муйню на всю Россию-матушку запузывают, без слез не налюбуетесь. Что я, не знаю их, что ли.

Кого их, Вовка удивляется, никто ж не в курсе, была реклама только безымянная.

А мне и знать не надо, баба Катя говорит. Поживешь с мое – чуять будешь. Хотя вы столько и не проживете, балбесы, вас хлебом не корми, дай накликать муйню себе на голову. Ладно, допустим, завтра у вас муйня. Но вы же к ней почти месяц готовились! Это просто ужас какой-то, ты оглядись – верных полстраны ничего не делает, только обсуждает, начнется после третьего числа муйня или нет. От споров уже опухли, рожи синие, лыка не вяжете, бабы вас под руки по

домам растаскивают... Ну, будет вам муйня, а потом вы чего учудите, лишь бы новый повод не работать?

Вовка плюнул и ушел на двор к мужикам-доминошникам. Разложил на столе пульт раскуроченный. Вот чего это, спрашивает. Мужики стаканы отодвинули, достали кто отвертку, кто вольтметр, повозились, задумались. Вроде похоже на брелок от противоугонки. Мощности кот наплакал, сигнал даже сквозь дом панельный не пробьет. Непонятно, как с таким пультом за муйню голосовать. Разве что страну накрыть полем, которое слабые импульсы улавливает. Но от самого-то поля волосы дыбом не встанут у трудящегося населения? Пожалуй, встанут, и не только на головах.

Повытаскивали свои пульты, давай кнопки нажимать, пока лампочки не горят. Нажимают и ржут. Забава новая. Гляди, муйня! О-па, где?! Да вон! Гы-ы!!! Ишь чего народу пообещали – муйню! Экая, понимаешь... Идея. Пока не вдумываешься, смешно. А как примеришь на себя да на всю Россию, поджилки трясутся. То ли со страху, то ли от возбуждения. С трудом, конечно, верится. Однако интересно. Вдруг получится? Вдруг что-то такое особенное произойдет?

Ну, это надо, чтобы третьего октября полстраны нажало. Кстати, уже второе.

Баба Катя с балкона кричит внуку – сбегай за мукой, я пирогов соображу. Да живей поворачивайся, чего ноги волочешь, будто завтра коммунизм?!. Мужики ей – не-е, бабка,

завтра муйня! Гы-ы-ы!!!

Дураки вы, баба Катя говорит. Иным уж по сороковнику, а как дети малые. Ладно, чего там, доживайте последний день, веселитесь. А потом они вам дадут муйни!

Да иди ты, паникерша. Мужики еще в домино поиграли, захмелели, стали прикидывать, скоро ли муйня будет после третьего. Уверенно так обсуждают, словно уже дело решенное. Хотя ни один вроде кнопку жать не собирается – да ну, что за глупость, не хватало нам еще всероссийской муйни для полного счастья!

Один говорит, бабы на работе болтали, по радио кодом передают дату начала муйни с точностью до часа. Если внимательно слушать, с какой буквы начинается каждый выпуск новостей, а буквы потом в числа перевести... Какая станция-то? Забыл. Ясен перец, не государственная. Было же вчера официальное разъяснение от правительства – мы к муйне никаким боком, а голосовать личное дело каждого, у нас демократия, не имеем права вмешиваться. Вы чего, не слышали?!

Ну, тогда суши весла, не будет никакой муйни, понял самый рассудительный. И тут надули. Блин, сколько можно. Права баба Катя, здоровые дядьки, а чисто дети попадаемся. Если правительство разрешило жать на кнопки, значит, все согласовано. И будет нам реальная муйня, вроде кока-колы или макдоналдсов. Рекламная акция, короче. Пульты можно выбросить на фиг. Ибо хочешь жми, хочешь не жми, а ре-

зультат один. Скажут, вся Россия единодушно проголосовала, чтобы гражданам продавали на десять процентов больше американской муйни за те же деньги. Ура-ура, зашибись.

Вот гадство!

Вообще странно. Прикиньте, мужики, какие деньги в этот проект вложены. Во-первых, сами пульта, чуть не сто миллионов штук, на одной доставке разоришься. Во-вторых, пункты выдачи по всей стране. С компьютерами, персоналом, охраной. В-третьих, помните, как туго у них поначалу шло, к ним же то прокуратура, то налоговая, то пожарные, то менты, а потом они с Центризбиркомом бодались, едва до Верховного суда не дошло... Раздача пультов на полгода затянулась. И им нужно остаться с прибылью. Это что же такое под видом муйни нам попытаются втюхать?

Муйню и втюхают! Гы-ы!!!

Обидно, прямо скажем. В кои-то веки дали тебе право выбирать не одного дурака взамен другого, а нечто серьезное – и тут муйня какая-то получается. Что за судьба дурацкая! Хоть русским не родись. Ну, ты это... Не задерживай. Пей давай.

А народ подтягивается, будто день нерабочий. Весь магазин «Напильники» уже тут как тут. Думали Вовке по шее дать за прогул, да нет его. Ладно, не очень-то и хотелось, все равно муйня скоро.

Эй, тащите, что ли, радио. Вдруг там и вправду дату муйни объявляют, хе-хе... Как – зачем? Интересно просто. Что

я, дурак, кнопку дурацкую нажимать? А пульт взял, ага. Ты же взял? И я взял. Дают – бери...

Вовка идет, несет муку для пирогов. Грустный. Потому что без пульта. Да ладно, Вов, наплюй, за тебя проголосуют, дураков хватит. Вон сосед пульт в толчок уронил. Не-е, вытащил потом. А у меня вообще женка отняла. Сказала, не фиг. Бабы, они понимают – решение ответственное, с муйней шутки плохи.

Да бабы первые и нажмут!

Тоже вариант. Короче, Вова, не переживай. Держи стакан. ...А по радио комментаторы заливаются соловьями. У каждого своя версия про муйню. Рекламную акцию со всех концов обмусолили. Кто-то уверяет, будто это такой социологический опрос тотальный и скрывается за ним именно власть – уж больно резко отмежевалась. Еще один про проверку на массовую внушаемость тарыхтит. Сумасшедший в прямой эфир прозвонился, говорит, кнопка на пульте – Та Самая Кнопка, просто хотят разделить ответственность, короче, жмите, люди русские, покажем Штатам кузькину маму, даешь третью мировую термоядерную муйню! Другой псих про нашествие инопланетян задвинул, обхохотались все. А потом вручили микрофон старому и опытному, который еще при Брежневе в телевизоре сидел, и он серьезно так говорит: опомнитесь.

Я, говорит, понимаю, вам надоело все хуже горькой редьки. Вас бесстыдно натягивали последние двадцать лет. Уве-

ряли, будто положение, в которое вас нагибают, очень модное и вся Америка уже так, а Европа вообще давно этак. Но сейчас-то, когда вроде жизнь наладилась, какого черта вы не проявляете ни гражданской ответственности, ни даже элементарного здравого смысла? За муйню собрались голосовать?! Россия! Ты одурела! Кто тебе сказал, что наступит именно муйня?! Ты эту муйню видела? Руками ее щупала, за щеку клала? Вот ты завтра нажмешь свою кнопку, а если вместо обещанной муйни наступит какая-нибудь дешевая поемень? А если просто – тыздец? Что будешь делать тогда, мать твою?!

Тут старому и опытному звук прикрутили, сказали, нельзя в эфире по матери, у радио лицензию отнять могут.

Баба Катя с балкона: Вов, где мука, начинка уже готова для пирогов.

Да погоди, ба, тут дело серьезное.

Во дворе тишина, даже стекло не звенит, жидкость не булькает. Очень народ смущен намеком на возможный тыздец. Это вам, господа хорошие, не муйня. А уж надували русских... Тут снова галдеж поднялся. Борьку-раздолбая вспомнили, Мишку-предателя, Никиту-фантазера, Иосифа-людоеда, Лукича-обманщика, а один шибко начитанный аж до Вещего Олега дошел. Когда спросили, в чем Олег ему не прав, ответил: наоборот, единственный был честный президент, сказал – сделал – за что его и грохнули!

Дураки вы, баба Катя говорит. Это она за мукой спусти-

лась, внука же не докричишься, принял Вовка на грудь, и ему все до фонаря, ведь завтра голосование, а там муйня не за горами.

Или тыздец. О чем публика старается не думать, но червь сомнения точит души, ослабленные перестройкой, диким капитализмом, олигархическим засильем, усилением вертикали власти и окончательно размазанные нынешней вялотекущей стабильностью.

Как есть дураки вы, баба Катя говорит. Вот мне семьдесят два, а я еще хоть куда. Потому что пряников сладких от жизни никогда не ждала, а просто трудилась, детишек растила, внуков нянчила. Долг свой выполняла. А вам муйню на блюдечке с голубой каемочкой пообещали, вы и рады – лишний повод работу прогулять. Да ты предложи мне эту самую муйню бесплатно – не возьму!

Пуль-то тебе бесплатно дали, возражают мужики бабе Кате в спину, – плевать она хотела на их ответ, знает, что дурацкий будет.

Да она не взяла, говорит Вовка, глядя с уважением бабушке вслед. Она против муйни. Я просил, мне возьми – послала.

Кремень бабка. На таких Россия держится безо всякой муйни. Наливай. За тебя, баба Катя! Еще сто лет живи без бед.

...Закуска на газете лежит, в газете написано – муйню затеяли транснациональные корпорации. Больше некому. Хо-

тят российскую «нефтянку» прикарманить. Как муйня по стране пойдет, все ошалеют, бери нас голыми руками. Вопрос: чего тогда для обкатки технологии не устроить сначала муйню какой-нибудь Венесуэле. Она и поменьше будет, и не такой риск, если муйня неправильная получится. Россия ведь от обиды и врезать может. Ответ: Венесуэла, конечно, поменьше, зато поумнее, на муйню не купится. А русских этим только помани. Строго говоря, у каждого носителя русской культурной традиции жизнь проходит в ожидании муйни. Он к ней всегда готов, как ирландец к выпивке.

Все указывает на крупный международный капитал – и размах акции, и ее анонимность, и отстраненная позиция властей. Даже палки в колеса на первом этапе – грамотно спланированный пиар. Русские любят вступаться за обиженных. Побежали за пультами сломя голову. И лишнего не спрашивали, вполне удовлетворились куцыми рекламными проспектами, будто муйня дело житейское и насквозь понятное... А помните, как возмущались этим отдельные политики, кричали о преступном легкомыслии? Представьте себе, оказалось, если партия финансируется из-за рубежа, она непременно против муйни. Что, мало доказательств?..

Вечереет уже, а мужики во дворе спорят, не унимаются. Тут пришла Ленка рыжая и еще девчонки из магазина «Брюки».

Баба Катя спустилась, пирогов у нее целый таз. Закусывайте, говорит, обормоты. А ты, Леночка, особенно.

Вовка убивается, что пульт сломал. Я, кричит, из принципа не нажал бы кнопку! Я понимаю теперь, до чего дело нешуточное! Может, судьба Отчизны решается. А может, и в глобальном смысле. Но кто разъяснит простому трудящемуся? Глаза ему откроет? Да нам, как всегда, одни по радио врут, другие телевизором лапшу на уши вешают, третьи из газет заливают! И все хотят от нашей законной муйни кусок урвать!

Поумнел, что ли, баба Катя говорит.

Ленка рыжая Вовку по плечу гладит – успокойся, хочешь, свой пульт отдам, только успокойся. Нашел из-за чего расстраиваться – из-за муйни.

Это тебе она муйня, Вовка кричит, а на самом-то деле она – муйня! И надо, чтобы у каждого свой голос. Хочу участвовать, хочу не участвую. Но голос должен быть. А кто не взял или утратил, тот дурак! Это демократия, понимаешь? И я, выходит, от нее отказался!

На, возьми, Ленка ему свой пульт тычет. Вовка отмахивается.

Ты, Вов, напрасно так, мужики говорят. Демократия это не просто когда голос, а еще когда тебе ежедневно по ушам ездят, за кого его отдать, – и ты уже готов этот голос забить в глотку всяким агитаторам. У нас такая демократия вот где. Мы ею сыты по горло. Думаешь, почему народ за муйню? То-то и оно.

Ага-ага, Ленка рыжая встрепелулась: а знаете, как я вы-

шла в лучшие продавщицы магазина «Брюки»? Да просто я клиенту товар не навязываю. Менеджер требует: облизывай их, облизывай, предлагай, спрашивай «что вы желаете», «что вам подсказать», а я ни в какую. Улыбаюсь клиенту, но первой на контакт не иду. Потому что нашего человека знаю как облупленного. Он вроде и хочет, чтобы облизывали, привык уже, но в глубине души по-прежнему терпеть не может, когда на него давят. И уверен, что хороший товар в лишней рекламе не нуждается. Вот так вам, ребята, муйню и впарили. Держи, Вовка, мой пульт, и будь счастлив. Домой пойду. К муйне вашей готовиться!

Мужики сидят, будто в дерьмо опущенные. Солнце зашло, во дворе темно, холодно, страшно.

И муйня вот-вот.

Конечно, если сразу начнется. Еще неизвестно, как у них пойдет, ведь предупреждали. А может, и тут надуют, вот что самое обидное. Вдруг эта история про муйню от начала до конца обман.

Вовка стакан опрокинул быстро и за Ленкой рыжей убежал, едва сдерживая рыдания.

Баба Катя таз опустевший подобрала и говорит: вы, конечно, решите каждый за себя, а я скажу. Жили мы по-разному. И хорошего много видели, и плохого. Вот мне семьдесят два года, и, бывает, накатывает такое подлое ощущение, будто всё мое поколение обокрали. Но у вас-то откуда это? Разве вам, кроме муйни, не на что надеяться? Не к чему стремить-

сы? Возможностей мало? Плачетесь, жалуетесь, мол, тоска и разочарование – а представьте, из какой задницы мы страну поднимали. И какие идиоты, вам не чета, нами командовали. И как они всё профукали, что мы построили... Да я была бы обеими руками за муйню, если б она Россию исправила к лучшему. Только муйня не поможет, мужики. Потому что исправлять не страну надо, а людей. Это не Россия дурная, а вы дураки. А виноваты, по большому счету, ваши мамы-папы. И сейчас, пока осталось время, простите родителей своих за то, что они вас такими несчастными воспитали. Не умели по-другому, не знали. Как нас растили, так и мы. Вот, меня простите. Вот.

Чего спешишь-то, говорят мужики смущенно, не торопись, ты будто с нами прощаешься, зачем так пугаться муйни, все будет путем, честное слово. Эта муйня какая надо муйня. И потом, когда она еще начнется. Если вообще начнется – мы и такую возможность допускаем.

Да она вообще не начнется, баба Катя говорит. Неужели вы до сих пор не поняли? Это же проверка была! Чтобы узнать, какие мы и на что годимся. И чтобы каждый сам понял, какой он. Чего именно выяснили про нас, я даже представить не берусь. А вот мы за эти месяцы ни капельки в себе не разобрались. Как не понимали себя, так и не понимаем. Нам думать и думать еще об этом. И, боюсь я, сколько нас ни заставляй, вряд ли мы до чего путного додумаемся. Не чужая душа потемки, а своя в первую очередь. Ну, спокой-

ной ночи, я пошла.

И ушла.

Ничего ей не сказали мужики на прощанье. Еще посидели немного, ни слова больше не говоря о муйне. Допили, что было, и тоже разошлись, унося наиболее уставших.

А утром, в девять, как и было обещано, пульт заморгал лампочкой.

Баба Катя на кухне пила чай, пульт лежал перед ней на столе, зазывно подмигивая красным глазом.

Баба Катя чай допила не спеша, отставила чашку, пере-крестилась, улыбнулась чему-то мечтательно, протянула руку и нажала кнопку.

И началась муйня.

29.10.2003

ООО «Психотроника»

**Головной офис в Ясенево приглашает всех
на аукцион офисного оборудования б/у**

Задолбали соседи с их вечным ремонтом? Надоели молодые идиоты с их идиотской музыкой? Шумит под окнами улица? Тогда ваш выбор – Лот 1: **Система подавления на сверхнизких частотах.**

Описание: инфразвуковая пушка. Габариты 3,0х3,0х3,0 м. Эргономичный дизайн. Остаточный ресурс 100 часов на полной мощности. Питание от автономного дизель-генератора. Зона поражения – сфера с радиусом до 1 км.

Также пригодна для выведения грызунов, насекомых и микробов. Инструкция прилагается.

Ваши конкуренты работают в сфере высоких технологий?

Бросьте им это через забор и расслабьтесь. Специально для промышленного диверсанта – Лот 2: **Электромагнитная бомба.**

Описание: компактный генератор ненаправленного ЭМ-импульса. Оформлен под подарочную коробку. Два механизма подрыва, часовой и «на удар». В комплекте одноразовая катапульта с дальностью метания до 100 м.

Также подходит для глушения рыбы.

Утомил бумажный спам? Ваша почта захламлена рекламными листовками? Мы предлагаем свежее решение. Довольно фильтровать корреспонденцию! Пора фильтровать корреспондентов.

Выбирайте Лот 3: **Самоходный комплекс «Антиспам».**

Система с естественным интеллектом на базе технологии «биг рашен хаммер». Автоматически выезжает по адресу корреспондента. Питание автономное.

Описание: кувалда 10 кг. Обслуживающий персонал (четверо мастеров без в/о, с в/п) в комплекте. Зарплаты не надо, сами добудут.

Возможна перенастройка комплекса «Антиспам» на снос небольших строений, забивание больших гвоздей и выбивание долгов промышленного масштаба.

Не хотите, чтобы ваши близкие занимались сексом без ва-

шего ведома? Приобретайте Лот 4: **Контрасекс механический.**

Описание: описанию не поддается. Приглашаем на закрытую демонстрацию.

Дорого. Не гербалайф.

Дистанционное управление эмоциями. Убеждение, внушение, принуждение. Только у нас. Полный эксклюзив. Лот 5: **Пугало универсальное.**

Описание: жуть на палочке. Протестировано. Группу хулиганов до 10 человек мгновенно кладет на асфальт. Одиночную жертву вводит в долговременный ступор. В сумерках эффект усиливается. Для применения ночью – встроенная подсветка.

Идеально как охранная система в офисах и на складах. В комплекте – фотоэлементы и датчики движения. После срабатывания встроенный GSM-телефон автоматически вызывает «Скорую помощь» и экипаж МЧС. Во избежание случайных жертв заранее информируйте экстренные службы, что объект охраняется пугалом нашего производства.

Внимание! Храните пугало только в прилагающемся футляре, при использовании избегайте взгляда на «рабочую», т.е. переднюю сторону!

ООО «ПСИХОТРОНИКА»

Работаем до последнего клиента

Вредная профессия

С утра пораньше звонит налоговый и ласково так говорит:

– Ну чё, Сикорский, вешайся. К те москвич с проверкой двинул.

У меня кусок яичницы поперек горла – хрясь! Сижу, кашляю, глаза на лбу, душа в пятках.

– Эй! – кричит налоговый. – Старик! Не так буквально! Давай, вылезь из петли. Мож, обойдется еще...

Отдышался более-менее, кофе хватанул, язык обжег. Весело день начинается, одно слово – полярный.

– Какого черта этот москвич ко мне поперся? – в трубку бормочу. – Он же вас проверяет, вас!

– В том-то и дело, что нас. В квартальных файлах ковырялся и вдруг спрашивает – эт чё еще за хрень, «КБ Сикорского»? Мы ему – нормальное АО, как хочет, так и называется, имеет право... А он – да не, я интересуюсь, откуда у вашего Сикорского такие льготы нечеловеческие? Какой сумасшедший с какого потолка ему все это срисовал? Судя по схеме налогообложения, там ваще не коммерческая фирма, а государственный интернат для инвалидов детства. Ну, я и...

Замаялся налоговый, вздыхает тяжело. Изображает, будто у него совесть есть.

– Чё ты? – спрашиваю, а в общем-то уже догадался, чего он. Иначе бы не позвонил.

– Ты извини, – говорит, – старина. Ну затрахал он нас, понимаешь? До ручки довел. У меня прям само вырвалось – раз вы такой недоверчивый, господин советник первого ранга, так подите и лично оцените, чем Сикорский занимается и почто у него эдака бухгалтерия. Мол, были сигналы – не вертолеты он там конструирует...

– Спасибо, – говорю, – дружище. Век не забуду.

А сам уже в прихожей, куртку надрючиваю. Теперь на всех парах в ангар. Только бы успеть раньше москвича. Прямо вижу эту сцену – является дурак столичный с наглой рожей, удостоверением размахивает, финансовую отчетность требует, а ребята от него – кто по углам, а кто и под стол. Перепугаются, неделю потом работать не смогут от заикания и трясения рук. А с городом что будет? Одна у нас бригада такая уникальная, другой нету.

– Ткнул бы ты его в дерьмо носом, а, Сикорский?

– Размечтался! Как бы навыворот не вышло...

– Но у ты ж с документами порядок! Или нет?! – тревожится налоговый.

– Это единственное, с чем у мя порядок! – рычу и выкапываюсь за порог.

Опять двадцать пять. В смысле минус столько Цэ. По-нашему тепло. Подогреватель успел машину самую малость раскочегарить, завожусь легко. Первым делом схему города на дисплей. Та-ак, где мои героические сотрудники? Похоже, все еще ковыряются на Космонавта Мельника. От сердца

малость отлегло. Вызываю техника-смотрителя.

– Пробили! – орет. – Вот прям тока что пробили затыку! А из колодца как хлестанет! Фонтаном! Игорьь, ты не пове-ришь, у нас тут на всей улице от стены до стены – по колено... Ладно, с божьей помощью вычистим. Ты не волнуйся, шас мы твоих каскадеров отмоем и мигом подвезем.

– Не надо мигом! – умоляю. – Медленно ехай, понял?

– Не-а. Чё случилось?

– Если медленно поедешь, ничё не случится. Просто к нам в ангар прям шас топает целый налоговый полковник из самой Москвы. А ты ж моих ребят знаешь... Короче, надо, чтоб я этого страшного дядьку встрел и подготовил.

– А-а... Ну, минут сорок-то я нашаманю, но больше чё-то не хочется. Они, понимаешь, по тебе дико соскучились. Нервные уже, у Кузи опять глаз дергается.

– Полчаса вполне хватит. Дергается, говоришь?.. Ничё, передергается.

Трогаюсь с места, а сам думаю: передергаться-то оно, конечно, передергается. И вообще, Кузе надо привыкать хоть полегоньку, но общаться с нормальными людьми. А то вот убздыхнет меня по весне сосулькой или, допустим, в катастрофу на машине въеду – и как тогда?.. Но все равно Кузю ужасно жалко. Если глаз у него – значит, к краю близко. Не может Кузя без меня подолгу. Целую ночь бригада на Мельника возилась, я в кои-то веки нормально выпаться успел.

Так, что нам еще нужно? У ребят привычка – как вернуться

с пробоя, сразу ко мне в кабинет лезут. Не-ет, сегодня этот номер не пройдет. Звоню офис-менеджеру.

– Баба Катя! – кричу, едва на том конце трубку сняли. – Тревога! Шухер! Бегом в ангар! Станешь на входе, бригаду перехватишь и в жилой отсек ее загонишь! Чтоб никто ко мне ни ногой, пока сам не разрешу!

А в трубке внук ее спокойно так:

– Здравствуйте, дядя Игорь. Вы чё, забыли, у бабушки отгул сегодня. Она к маме уехавши, в шестой район. Свечи повёзши и лампу керосиновую, там у них с полуночи электричества нет.

– Зачем свечи, если и так светло?

– Это вы, дядя Игорь, у них спросите.

Из шестого района баба Катя к ангару вовремя никак не поспевает. Кто еще может перевозбужденную бригаду утихомирить? Разве психолог, который с нами работает. Вызываю. Блокирован номер. Значит, работает психолог. Только, увы, не с нами.

Если все сегодня обойдется, премию себе выпишу ненормальную. В психопатологическом размере.

Контора у нас на отшибе, считай за городской чертой, здоровый такой ангар. Удобно – я прямо внутрь заезжаю через подъемные ворота и у двери своего кабинета торможу. Вот она, конура родная, – тепло, светло, целая стена завешена грамотами от мэрии, в аквариуме жабиус дрыхнет. Сразу как-то легче на душе. Только вдруг телефоны звонить начи-

нают – и на столе, и в кармане разом. Подношу к ушам обе трубки и слышу в реальном стерео трубный рев дорогого нашего градоначальника.

– Сикорский хренов! – мэр орет. – Чё, этот хрен московский у тебя уже?

– Ждем-с, – отвечаю. – Хорошо, успел я, а то боязно за ребят. Вдруг он кусается или еще чё...

– Ребята... Чё ты мне про ребят, твои интеллигенты хреновы всего Космонавта Мельника на хрен засрала, десять хреновых цистерн туда ушло художество ихое вывозить!

– А чё вы хотели? – спрашиваю. – Там же уклон и в самом низу затыка. Давление прикиньте! По нашим расчетам, просто обязано было пёрднуть, иначе никак. А Мельнику по фигу, он космонавт. И не такое небось видал.

– Ты у меня на хрен дошутишься! Язва, понимаешь, сибирская! Слышь, Игорь, хрен с ним, с Мельником, у меня к тебе разговор серьезный.

– Закон такой есть, – говорю, – «под давлением всё ухудшается»! Физика.

– Это ты про чё?! – удивляется мэр.

– Про затыку под давлением. Затыку пробили, давление получило выход и пёрднуло. Чё теперь, не пробивать больше?

– Да забудь ты на хрен про свое давление пердящее!

– У меня-то давление нормальное. Утром тока мерил. Сто двадцать на семьсят. Хоть на Марс запускай вместо Мельни-

ка вашего ненаглядного.

– Я Мельника этого не просил у нас в городе рожаться... – отдувается мэр. – Слышь, Игорь, ну прости. Не хотел на тя орать. С самого утра как начались форс-мажоры... В шестом районе отвал подстанции – знаешь, да? Потом у связистов какой-то облом системы загадочный, сидим теперь без спутника. А шас звонят – сына из школы грозятся выгнать, педагоги хреновы! Ну, думаю, хватает неприятностей для одного-то дня... Ничё подобного! Ты представь – какой-то тундрюк бухой прямо у мя под окнами на снегоходе в «Макдоналдс» въехал. Через витрину. Ну чё, ну вот чё тундрюку надо в этой хреновой бигмачной?!

– Вкус сезона попробовать, – говорю. – Фирменную приправу «МакСпирит». О, как ласкает тундрюкское ухо это знакомое – нет, я бы даже сказал – знаковое слово!

– В общем, Игорь, я чё решил. По закону ты не обязан докладывать налоговнику о характере своей деятельности. Верно? Ну, вот и не говори, чем именно занимаешься.

Я от такой резкой перемены темы малость дурею, трясую головой и тут понимаю, что до сих пор сижу, как последний у-о, с двумя трубками.

– В документах чё записано – Сикорский предоставляют городу инжиниринговые услуги, так? Документы у тя в порядке, я знаю. Начнет москвич докапываться, какие такие услуги, скажи – идите на хрен, вертолеты конструирую, и ваще, у мя секретное КБ.

– А он ко мне после этого с прокурором не явится? – сомневаюсь.

– Прокурор ему сам явится! – мэр заверяет. – В кошмарном сне. Так и сказал – пускай тока ко мне сунется, я из этой евражки сошью варежку. Он знаешь где живет, прокурор-то? Из коляски не вывались – на Космонавта Мельника! Прокурору твои услуги, эта... – инжиниринговые! – не реже, чем раз в неделю требуются.

– Ну, если прокурор...

– Тока не проболтайся, а?

– Да мне болтать ваще незачем. И так за сто шагов до ангара понятно уж, чё за конструкторское бюро. Очень секретное.

– Мож, не собразит. Главна штука, молчи. Я даже представить боюсь, какая вонь подымется, если москвич узнает, до чё тут у нас все запущено.

– Насчет вони, – киваю, – это вы прямо в дырочку.

Градоначальник мою аллегию игнорирует, советует мучаться и отключается. Кладу трубки по местам. Сижу, жду москвича, кошусь одним глазом на компьютер с бухгалтерией, другим – на ящик с бумажной документацией. Руки так и чешутся лишний раз все проверить. Э-эх, была не была! Ворошу бумаги, прикидываю, к чему москвич придраться может. И тут стук в дверь. Начальственный такой.

– Милости просим! – весело почти кричу. А поджилки-то трясутся. И мэр накрутил дальше некуда, и самому неуютно.

Если обещанная вонь действительно поднимется, «КБ Сикорского» через полгода-год можно будет закрывать. Фирму жалко, а особенно жаль ребят – ну кому они, кроме меня, нужны...

Заходит страшный московский дядя. И вправду страшный. Здоровый шкаф, морда кабанья, взгляд свирепый. Носом крутит. Принюхивается.

– Здрасте, – хрюкает. – Полковник Дубов, налоговая полиция, внеплановая проверка... – и прямо-таки жрет меня круглыми пороссячьими глазками.

А у вашего покорного слуги видок подозрительный донельзя – бумажками обложился, ни дать ни взять злостный неплательщик и уклонист от налогов по-быстрому бухгалтерию подчищает.

– Кто тут Сикорский?

Я аж оглядываюсь – да вроде нет больше никого в кабинете, только жабиус. Он, конечно, зверь для своей породы ненормально крупный, но все равно его за генерального директора даже с пьяных глаз не примешь.

– Я Сикорский, я. Вы присаживайтесь, господин полковник.

– Благодарю. Слушайте, а откуда запах такой жуткий? И на улице, и внутри. Канализацию пробило?

Засмеялся бы, да боязно, чересчур свиреп на вид полковник, не поймет юмора. У нас в городе про канализацию «пробило» – самое ценное слово. Потому что, значит, до этого ее

намертво забило. Как давеча на Космонавта Мельника. А если забило – то, получается, что? Получается, должен прийти тот, кто умеет ее пробивать.

Ну а к запаху мы все привычные. Я не в том смысле, что только мы – «КБ Сикорского», – а вообще местные. Жизнь такая.

– Да здесь, – говорю, – на пригорке, роза ветров косая. Особенно по вторникам – чё тока сюда не несет. Тундрыuki еще в позапрошлом веке жаловались, сам в городской хронике читал.

Ну, чес-говоря, про аборигенов я малость того.

В вечной мерзлоте фекальная канализация вообще плохо себя чувствует. Холодно ей, болезной. Тем более нашей, которую при царе Горохе тянули, наспех да неглубоко. И городишко раньше малюсенький был. Но худо-бедно дерьмо по трубам плавало. А сейчас тут опорная база громадной добывающей компании. Народу тьма, домов новых понатыкано, а сети-то коммунальные к чему подключали? К старой дохлой системе с узкими коллекторами, замкнутой на слабенькие отстойники. Да и качественный состав дерьма радикально изменился. Лет тридцать-сорок назад что по коллекторам текло – оно самое, газетами разбавленное. Так сказать, родственные материалы. А теперь народ чего только в унитазы не кидает, особенно милые дамы, хоть и запрещено это строжайше. Ну и клинит поток. Жуткие пробки образуются, дерьмо на улицу прет, а там его морозцем прихватывает – и

вообще конец. Да и под землей потоку застаиваться ни в каком случае нельзя. Мало того, что мерзлота, так еще и ненормальная, перемерзшая – мы ведь кристаллический газ разрабатываем.

– Чем же это тянет? – полковник снова нюхает и окончательно косорылится. – И откуда? У вас офис насквозь провонял. Чистый сероводород. Неужели с комбината?

– Не-е, природный газ вовсе не пахнет, в него потом специально меркаптан добавляют. Я говорю – роза ветров. Кто его знает, чё летит да откуда. Мож, олень в тундре сдох...

М-да, про оленя – это я тоже слегка не очень.

Год назад комбинатские раскошелились и прекрасную регенераторную построили – вон она, рядышком, километра не будет. Только смысла в ней почти никакого, пока трубы под землей старые лежат. Эх, наврать бы полковнику, что это с регенераторной вонищу несет, – так ведь не пахнет, зараза! Словно не дерьмо через себя гоняет, а газ, будь он неладен.

То, что здесь под ногами газа хоть задом ешь, давно открыли. Только он у нас будто прессованный, в кристаллической форме. И вот наконец-то догадались, как его добывать и в дело пускать. Вполне безопасным методом, хоть в подвале собственном копай. Ура-ура, роют шахтищу, ставят рядом комбинатище, набивают город населением под завязку, все замечательно. Только совсем не замечательно вышло, когда промышленная разработка началась. Пока опытные партии добывали, побочных эффектов не было. А как приня-

лись этот самый газ мегатоннами сквозь верхние слои почвы выволакивать, ее – почву – проморозило на всю катушку. Вместе, сами понимаете, с трубами. Ладно, воду подогревать можно. А дерьмо?! В каждый унитаз по кипяtilьнику?! Или прикажете комбинату закупить биотуалетов на полста тыщ народу, да еще и, главное, постоянно снабжать их реактивами?

То ли дело тундрыки – при любой погоде во чистом поле оправляются, и хоть бы что. Аж завидки берут. Веселые ребята. Примерно раз в месяц съезжаются к комбинату на снегоходах, в воздух из берданок палят и орут хором: «Русский, волка позорная, уходи свой Россия! Оккупанта-империалиста, твоя мама фак, рашен гоу хоум!» Комбинатские тут же им пару рюкзаков огненной воды – на! Аборигены водку хватъ и обратно в тундру. И все жутко довольны. Вот тоже загадка природы – на водку у начальства всегда деньги находятся. А канализацию специальную высокоширотную проложить – нехватка средств.

Есть, конечно, вариант нарубить в мерзлоте ям, чтобы весь город туда с ведерками бегал. Но вы сами представьте, сколько придется людям за дискомфорт приплачивать и как дружно они от такой жизни алкоголизмом заболеют. Весело, да – выскакиваешь из подъезда с ведром дерьма, полным до краев, вокруг минус шестьдесят, в организме ни грамма... Нереально. Психика не выдержит. Мы ж не первопроходцы какие, а простые трудящиеся.

Короче говоря, чтобы городская фекальная система работала, в ней должно идти непрестанное шевеление. Которое нужно как-то обеспечивать. То есть пробки выявлять и немедленно пробивать.

Чем и занимается акционерное общество закрытого типа «Конструкторское бюро Сикорского».

Я сначала хотел контору назвать просто, как в том анекдоте: «Сливочная». А потом думаю – какого черта? Работа серьезная, ответственная, инженерного подхода требует... И вообще я парень с юмором. Вроде бы.

– А что за зверь удивительный в аквариуме? – полковник огляделся и на жабиуса толстым пальцем указывает.

– Жаба, – говорю. Без неуместных комментариев.

Вообще-то наш зверь – Жабиус Говениус Рекс. Из-за него Михалыч с перепугу сознание потерял, когда Жабиус прямо ему на ногу выпрыгнул. Увлекаемый бурным потоком. Из очка в женском туалете достославной мэрии. Как он в нашу канализацию угодил, как там выжил – загадка. Обогрели зверя, приютили. Гордимся теперь. Директор комбината по части рептилий малость двинутый, у самого игуана дома живет, так он на нашу жабу глянуть специально приезжал. Долго рассматривал, языком цокал, а потом сказал: «Надо же, и цвет какой, прямо маскировочный!» А какой еще может быть цвет, если жабиус, научно выражаясь, чистой воды – точнее уж чистого дерьма – канализационный эндемик?..

– М-да, – говорит полковник, разглядывая жабиуса. – Из-

далека везли? Африка небось?

– Вроде того, – соглашаюсь. Один черт. Либо у меня денег куры не клюют, либо я враль записной. И то и другое для налогового полицейского, считай, чистосердечное признание в воровстве.

Вот положение дурацкое! И знаю ведь точно, что ничего криминального полковник у меня не нароет, – все равно сердчишко ёкает. Эх, испортило русских засилье бюрократии, трусами сделало. Недаром мы нет-нет, а тундрюкам позавидуем. В «Макдоналдс» на снегоходе... Да-а. Про таких народ говорит – «не зря прожил жизнь».

И тут слышу – дизеля. Урчат на подъеме, тяжелое волокут. Так это же цистерны! Громадные цистерны с подогревом, дерьмо с Космонавта Мельника на регенераторную везут. Аккурат мимо ангара нашего. Ур-ра-а! Ничего выдумывать не надо, так и скажу полковнику – да вот откуда запахи...

А полковник в это время достает платок, зажимает им нос и теперь уж совсем не в переносном смысле хрюкает:

– Ладно, приступим.

Только приступить у нас не выходит, потому что один из дизелей вдруг надсадно взрывается у самого крыльца, будто ангар таранить собрался. Правильно сориентировать московского гостя, подготовить к встрече с бригадой я не успеваю. За стеной раздается жуткий грохот, и сквозь уплотнитель на двери кабинета пробивается такая вонища, что да-

же мой тренированный нос морщится. Дезинфекция, она похлеще дерьма будет раз в десять.

– А это что еще такое?! – выше платка москвич заметно наливается кровью.

– А это, уважаемый, – говорю, – вернулась с работы бригада пробойников!

«Хрен ли нам теперь?» – сказал бы в такой ситуации мэр. Вот и мне уже – не хрен.

– Ко-о-го бригада?!

И тут парни вваливаются в кабинет. Впереди Кузя со своим дергающимся глазом.

– Пробили! Игорь, мы ее пробили!

Полковник уже не краснеет, а, напротив, бледнеет. Ребята все, как один, в списанных армейских боевых скафандрах, только шлемы поснимали. А у Кузи в левой клешне – его любимая пропыра. И машет он ею в воздухе довольно опасно.

В общем, зрелище то еще.

Вонизьма тоже не дай бог.

Полковник сидя обалдевает. Впрочем, мне сейчас не до него, я смотрю на ребят, оцениваю, в каком они состоянии. Вроде ничего. Растут парни. Великая штука трудотерапия, если грамотно ее применять.

Тишка мне издали кивает, отстегивает варежки и лезет к аквариуму жабиуса кормить. Михалыч пытается вперед мимо Кузи пролезть и в ухо пропырой не схлопотать. А Кузя знай себе лопочет, рассказывает, как замечательно они сего-

дня пробили. Я его речь довольно хорошо разбираю – привык за пять лет, ёлы-палы, – но как раз сегодня меня сомнения одолевают. Потому что дешифровка Кузиного лепета следующая: когда парни уже всякую надежду потеряли осилить затыку, вдруг родилась блестящая идея – не продавливать, а разбивать.

Изобретатели хреновы, они взяли Кузю за ноги и головой вниз с пятиметровой высоты в магистральную трубу бросили! А он пропыру в клешнях зажал, перед собой выставил... Ну и вонзился в мерзлую какашку. И таки расшевелил ее.

«Пропыра» – это Кузя сам название выдумал. Четыре лома, сваренных вместе пакетом, и на конце железяка от топора-колуна, самого здорового, какой смогли найти. У нас, конечно, не только ручной пробойный струмент – техника всякая тоже имеется, – но, когда нужно в тесном коллекторе затыку расковырять, лучше пропыры ничего не придумаешь. А в боевом скафандре экзоскелет и сервоприводы, мы это дело слегка усилили – знай себе дерьмовую мерзлоту пырай и в ус не дууй. Конечно, вместо штатных перчаток ставим варежки-клешни, иначе струмент не удержишь. Пять штук мне скафандров комбинатские снабженцы добыли, не знаю уж как, но вроде по закону все, списанная амуниция.

– Послушайте, Сикорский... – глаза у полковника совсем освиневшие. – Это что за сборище дебилов? Вонючих... Чем ваше так называемое бюро занимается?!

А у меня вдруг настроение приподнялось, ведь живы-здо-

ровы парни да еще затыку пробили. Задача выполнена, любимый город может гадить спокойно. Так чего мне бояться? Ну и отвечаю я москвичу:

– Известно, чем занимается. Вертолеты конструирует!
Тут-то Михалыч шутку и испортил.

У Михалыча самый высокий в бригаде ай-кью. Под семьдесят. Но когда на тебе боевой скафандр, кустарными способами приспособленный для работы, в замерзшем дерьме по уши, интеллект не спасает – любое человеческое помещение для тебя, что посудная лавка для свежеразмороженного ма-монта... Михалыч пробует обойти Кузю, неловко поворачивается, задевает полковника и роняет его на пол вместе со стулом. Прямо сносит.

Полковник не кричит, а визжит – свинья, она и в тундре свинья, – ему больно, его приложила бронированная машина в десять пудов. Кузя перепуганный отпрыгивает в сторону, роняет пропыру – вот уж повезло – и тарашится на полковника, словно тот не со стула, а с Луны свалился. «Кузя!» – зову я, мне важно отвлечь парня, у него была раньше манера от страха закрывать лицо руками, а клешни-то он не снял, никак я их не отучу, чтобы, отстегнув шлем, первым делом свинчивали клешни...

– Не-ет! – ору.

Это Михалыч, намеренный исправить ошибку и загладить вину, нагибается и хватает полковника выше локтя страшной железной варежкой с усилителями.

– Звините-пжалста-я-больше-не-буду! – выстреливает наш умник покаянную фразу, которую еще в первой группе интерната на всю жизнь затвердил.

Конечно, Михалыч хочет полковника на место посадить, легко и непринужденно, будто ничего и не было. Он сейчас двоих таких кабанов на одной руке поднимет. Сжимается варежка.

– Сто-о-ой!!! Все назад! – кричу, а сам прикидываю, мне как, уже сегодня в коллекторе утопиться или погода чуток?

Полковник живучий оказался. Вырвался и прямо на трех костях, не переставая выть, из кабинета бросился, головой дверь вышиб и куда-то ускакал.

В тундру, раны зализывать.

Тишка в наступившей тишине произносит:

– Н-ну, мэ-мэ-мэ... Михалыч. Н-ну, ты и мэ-мэ-мэ... Идиот.

Это значит, он Михалыча осуждает, но слегка. Они когда хотят кого-то всерьез оскорбить, говорят «у-о». Еще одна привычка интернатовская.

У Тишки ай-кью вообще нет. Он тесты проходить отказывается, и все. Обходными путями ему полтинник насчитали. Занизили, думаю.

Михалыч соображает, чего натворил, – и в плач.

Кузя видит, что Михалыч расстроен, и тоже принимается реветь.

Я выезжаю из-за стола, отстегиваю ребятам клешни, пока

не начали ими слезы утирать.

В Тишке, похоже, разыгрывается командный дух, потому что глаза у него заметно мокрые. Но он еще держится. Это надо закрепить.

– Веди их в раздевалку, – говорю. – Проследи, чтобы приняли душ, и сам не забудь. Скафандры уложите аккуратно. Да, пропыру заberi – вон она валяется. Через полчаса отвезу вас завтракать и баиньки.

Угу, отвез. Только мне удастся кое-как успокоить ребят и помочь Тишке выгнать их из кабинета, опять звонок. Техник-смотритель шестого района. Я и забыл совсем, что у них разгонный насос в трубе стоит. Голь на выдумку хитра – раз дерьмо по собственной воле не плавает, ему турбонаддув устроили. Пока этого наддува не было, «КБ Сикорского» из шестого района просто не вылезало. Я там буквально дневал и ночевал. Да и ребята были еще неопытные, людей всяких боялись, а не только москвичей, приходилось бригадой непосредственно на месте командовать, чтобы парни защищены себя чувствовали... А потом насос заработал, в шестом гораздо легче стало, вот и забыл я.

– Стопорится, – техник говорит. – Поднимается и стопорится. А напрягу только к вечеру дадут. Боюсь, поздно, не сдюжит насос. Чё делать-то? Мож, толкнули бы слегка тяжелый слой?

«Тяжелый слой» – нижний, куда всякие инородные предметы опускаются, забухнув. Помню, дохлого оленя выковы-

ряли. Как он туда угодил? Хотя жабиус тоже ведь откуда-то взялся, не из Африки же.

Да, толкать надо. Пропихивать из шестого в пятый, там уж оно самотеком разгонится. А то к вечеру на полтрубы завал нарастет, хоть всем городом разгребай.

– Три часа, – говорю. – Через три часа нас жди. Устали ребята, пусть хоть немного отдохнут. Сам с ними приеду. И чудес не обещаю. Умоталась бригада.

– Это твои-то три медведя, и умотались?

– Это они с виду три медведя. Психика зато как у котенка, не больше наперстка.

За стеной опять дизеля – новую порцию дерьма к регенераторной везут. Сiju, на спинку коляски откинулся, потолок разглядываю. Мечтаю об унитазах-биде с электронным управлением, как у меня дома. В каждую бы квартиру по такому агрегату – уже легче. Туалетная бумага, даже самая лучшая, в соединении с дерьмом очень неприятную пульпу образует, склонную к комкованию и замерзанию.

Еще мечтаю о федеральном законе, строго карающем за сбрасывание в унитаз использованных женских затычек и прокладок, а также упаковок от них. Оберток от конфет любых. Окурков. Пачек из-под сигарет. Бутылочных пробок (как они их туда роняют? зачем?). Обьедков вообще, и кожуры банановой – отдельно. Яичниц подгоревших и другой некондиционной еды. Шприцев одноразовых и многоразовых. Клизм. Шерсти животных, как домашних, так и диких.

Комьев вычесанных из головы волос, особенно – из головы женской. Перьев любой птицы. Расходных материалов компьютерных. Технической документации на пленках. Черновики постановлений мэрии – в любом виде, из-за непомерного объема. Денежных знаков, включая иностранные. Бумажников – как с денежными знаками, включая иностранные, так и без. Пластиковых карт дебетных и кредитных, в том числе банков-нерезидентов. Часов наручных. Средств мобильной связи и комплектующих к ним. Манипуляторов типа «мышь». Инструментов коррекции зрения типа «очки». Посуды битой – какая радость, что небитая, слава богу, не пролезет! Головок торцевых к ключам гаечным. Отверток. Ленты изоляционной, в рулонах и кусками. Деталей унитазов – немаловажная деталь! Ножей, вилок, ложек. Носовых платков. Шарфов, кашне, галстуков. Носков дырявых. Трусов! Колготок разных!! Памперсов!!!

И кара должна быть адекватной – если что неположенное в унитаз бросил, пусть то же самое тебе в задницу вколотят!!!

Та-ак, пора звонить психологу. Уже не для ребят – для себя.

А тут и он сам, легок на помине, в кабинет заглядывает.
– Искал меня? – спрашивает. – Ну, что у вас? Как ребята?
– Ты где был?!
– У клиента. Срочная работа. Давай, клянись о неразглашении – я сейчас ради тебя нарушу профессиональную этику.

– Пусть в шестом районе навсегда электричество отключат!

– Серьезно. Уважаю. В общем, Сикорский, дело такое. Если что-то понадобится от нашего прокурора – обращайся ко мне.

– У него чё, проблема с головой?! – спрашиваю, а сам провалиться готов сквозь вечную мерзлоту. Вдруг поплохело мужику на почве дерьма, застывшего противотанковыми надолбами прямо под окнами? Мало ли, какие он, сумасшедший, из этого зрелища выводы сделает. Может, и понадобится мне от него вскорости дружеская услуга – чтоб не посадил лет на сто.

– У него проблема с женой. Супруга прокурора раскрыла глобальный заговор. Оказывается, это марсиане устраивают диверсии в канализации. Хотят загнать человечество обратно в каменный век и поработить. У нас они пока тренируются, а вот через месяц забьет трубы по всей планете – и конец цивилизации.

Ой-ё. То-то прокурор с самого утра вызверился и москвичка обещал на варежки пустить.

– Съезжать им надо, – говорю, – с Космонавта Мельника.

– Это точно. Ну а у вас-то что за драма?

Обрисовал я ситуацию. «Растут парни, однако, – психолог говорит. – Еще полгодика назад было бы тебе весело...» Согласился ребят спать уложить и запрограммировать на полный отдых, чтобы пара часов – и как новые. Ну, двинули в

жилой отсек. Это у нас в дальнем углу ангара есть как бы квартирка – на всякий экстренный случай, вроде сегодняшнего. Кухня там, спальня и все такое. Пожевать-отлежаться.

Слышу – шум, гам, ребята в душевой плещутся. Веселые уже. Психологу обрадовались, он им почти как родной. А уж новость о работе сверхурочной для бригады всегда праздник. Этим обалдуям дай волю, они себя как лошадей до смерти загонят. Точнее, до нервного истощения. Которое у моих питомцев наступает так быстро, что и глазом моргнуть не успеешь.

Им, беднягам, сама по себе жизнь на воле раем кажется.

Хотя почему «беднягам»? Любят свою работу, окружены вниманием, наслаждаются каждым прожитым днем... Как они на днях в снежки играли! Милые громадные тридцатилетние дуrolомы. Счастливые. Детишки мои...

Радуетесь за них, да? А вот пробросят по городу нормальные трубы – и что дальше, Сикорский? Ребята станут не нужны, и у города не будет резона из кожи вон лезть, чтобы подтверждать ежегодно твое опекуновство. Ведь ты по закону не можешь быть опекуном. Ты по закону вообще почти ничего не можешь – да и помимо закона тоже... Дорастить парней до изменения им группы инвалидности – успеешь ли? Сумеешь ли? И потянут ли другую группу сами ребята?

А больше возможностей никаких. Улицы техника чистит, и даже в мусорщики нам не податься – сжигатель построили, а вывоз на полуавтоматах, знай кнопки нажимай. Нет в

окрыле грязной работы. Прогресс, мать его, так и прёт семимильными шагами. И значит, что?

И значит, как только фекальную систему заменят, никакой прокурор ребят не выручит. Наоборот, город постарается забыть, аки кошмарный сон, это многолетнее свое позорище – бригаду пробойников, единственную и неповторимую, одну на весь мир, хоть в Книгу рекордов заноси. И ребята поедут доживать в интернат для у-о, а ты... На свалку истории. Тоже – доживать. Один-одинешенек, без детей, без жены – хотя, может, найдется какая сердобольная или просто на деньги падкая, уж денег-то «КБ Сикорского» в дерьме нарыло порядочно.

Прямо хоть диверсию учиняй. Нешто мы глупее марсиан? – Ты что, депресснул? – психолог спрашивает. – Наплюй. Мы на кухне сидим, чай пьем. Ребята в спальне дрыхнут. За стеной опять автоцистерны надрываются. Вozить им сегодня – не перевозить.

– Да не, я так, о будущем задумался.

– А что задумываться? В будущем тебя, дорогой, ждет судебный иск от москвича. Вот увидишь, он еще попробует дело до уголовного раздуть. Ничего, не переживай. Мне сейчас опять к прокуроровой жене надо – заодно потолкую с ее супругом, хе-хе... За ребят не беспокойся. Я перед выходом бригады на пробой опять сюда подъеду, взгляну, как они.

– На этот раз не опоздай.

– Постараюсь. Жена-то не своя, а большого начальника.

Ей просто так не скажешь – мол, извините, сударыня, меня другие сумасшедшие ждут...

Уехал. Я в мастерскую закатился, проверил скафандры, на струмент взглянул. Трудно что-то серьезное с этими железяками без помощи ребят делать, тяжелое все, но поверхностный-то осмотр я и в одиночку могу. Вот непонятно, брать в шестой район «крота» или как. Не хотелось бы.

Наш «крот» – это не ваш «крот», тот, который наподобие ершика на длинном тросе с ручкой для вращения. Мы эти детские «кроты» именно ершиками и зовем, ими только унитазы да очки пробивать.

Наш-то «крот» – снаряд с переменной геометрией, такой комбайн самоходный для рыхления и подъема тяжелого слоя. Здоровый, сволочь, за машиной на прицепе таскаем. Всем хорош аппарат, да больно велик, даже в сложенном виде. Его можно только на стыке районов вниз загнать, где широкий спуск в коллектор. А поскольку в шестом сейчас тока нет, выходит, запитываться мы будем от седьмого – кабеля-то хватит?... Ну его пока, «крота». Если увидим, что вручную не справляемся, техника-смотрителя попросим в ангар смотреться.

Эх, позарез мне нужен на подмогу толковый рукастый мужик. Да где его найдешь такого – чтобы у-о не боялся и на запахи не реагировал? «Комплексной бригаде пробойников требуется исполнительный менеджер – физически крепкий мужчина со слесарными навыками, страдающий хронич-

ческим насморком и способный нежно относиться ко взрослым детям».

На первый взгляд, таких полно – я ведь искал, пытался. Но у всех соискателей была, как сказал психолог, явная нехватка асоциальных наклонностей. Только услышат, что «КБ Сикорского» дерьмо ворочает, – сразу до свидания, несмотря на громадный оклад.

Гадить-то в трубу все молодцы, а вот обеспечивать по ней движение... Если для этого нужны асоциальные наклонности, тогда я не понимаю, какие – социальные. Распустился народ. Три четверти мира газом обеспечивает, вот и распустился. Еще фыркает, что из России банановую республику сделали. Хороши русские бананы, ничего не скажешь – сто лет назад полстраны на дырку ходило, и ничего, – а теперь каждому работнику подавай исправный унитаз, иначе не найдется. Желательно унитаз с интернетом. Или отдельно унитаз и интернет-II. Тьфу!..

Хотя, с другой стороны, жаловаться на всеобщую брезгливость мне грех – именно поэтому я и попал в десятку со своим «инжиниринговым проектом».

То есть в городскую канализацию попал.

Заехал в кабинет, с коляски на диванчик перевалился, задремал. От нервов, видимо. Непокойно как-то, чую, боком выйдет «КБ Сикорского» инцидент с москвичом. Проснулся – вся душа в царапинах, так ее кошки поскребли. И главное, тишина. Ни звонка, ни стука в дверь. Как затишье пе-

ред бурей. Ребят поднял, сказал к выходу готовиться. Сижу, на аквариум гляжу, жабиусу завидую. Корма ему подсыпал. За одной стеной бригада железом лязгает, за другой моторы гудят – надоели уже.

Телефон. Я аж подпрыгнул. Ну, думаю, началось! А это техник-смотритель.

– Выходите, – говорит, – я уж в горку еду. Чё-то движение нынче у вас прям как в центре...

– Так цистерны же. Ладно, мы на улицу. Эй, ребята! Пошли!

Техник что-то еще буркнул – мол, не только цистерны, да я не дослушал, у меня другой звонок входящий. Надеялся – психолог. А оказался налоговый.

– Сикорский! – кричит. – Ты чё натворил?!

– Да ты понимаешь...

– Москвич силовую поднял и к тебе поехал! Сиди, не дергайся, я мэру уже позвонил! Главна штука – не дергайся! Застрелят на фиг!

По коридору ребята на выход топают, мне из кабинета хорошо слышно. Только я рот открыл, вдруг – ба-бах! Дверь входная.

– Стоять! Оружие на пол!

И мат-перемат, уши вянут.

Силовая, она всегда так – побольше напора, шума и матерной ругани. Чтобы сразу-то в налогоплательщика не стрелять, авось он испугается.

Да только не на тех напали.

Мне потом налоговый кассету с записью из коридора подарил. Она и так по городу ходила, но ее за большие деньги продавали, а он мне – бесплатно. «Как продюсеру», – сказал. У меня-то самого в коридор соваться пороху не хватило, я через ангар катился к запасному выходу, но что в это время происходило, теперь знаю и описать могу.

Значит, идет по коридору бригада пробойников в скафандрах с опущенными забралами. Шагает, как на парад. Веселая, отдохнувшая, с той, что утром была, заполошной и дерганой, – просто не сравнить, вообще другие люди. Впереди Кузя с Тишкой бок о бок. У Кузи в руке пропыра, а Тишка на плече тащит... Ладно, слово почти литературное, так что скажу – говнодав. Знатный струмент. Железнодорожный домкрат гидравлический с усилием разжима под сто тонн. К нему с двух концов приварены крышки от канализационных люков, только обточенные слегка, чтобы в любую трубу пролезало.

Сзади Михалыч топает, крестовины складные к говнодаву несет, из рельсов такие конструкции для упора.

А навстречу бригаде врывается группа силовой поддержки налоговой полиции. Все как положено – автоматы, броня, «оружие на пол», матюги.

Кузя, несмотря на устрашающие размеры, существо застенчивое до трусости. Михалыч больше всего боится совершить какую-нибудь ошибку. А вот Тишка у нас боец, особен-

но когда отдохнул и на своей территории. Сейчас он дома, только собрался на работу, и тут к нему вперлись какие-то дураки, по замашкам – полные у-о.

Поэтому он берет и с плеча швыряет говнодавом в толпу силовиков.

Я бы не хотел, чтобы в меня запустили железнодорожным домкратом. Даже простым, без крышек от люков. А вы?

Силовики валяются, как кегли, роняя друг друга и беспорядочно паля во все стороны. Из стен и потолка летят клочья. Бригаде все равно, скафандр пуля не берет. К тому же ребята просто не знают, что это такое – когда в тебя стреляют.

Силовики пытаются встать и открыть прицельный огонь по ребятам. Но Тишка издает через внешние динамики скафандра оглушительный боевой клич – он так давеча кричал, играя в снежки. Тормознувшие было Кузя с Михалычем понимают – это тоже игра. Кузя выставляет перед собой пропыру, а Михалыч крестовины, и вдвоем они бросаются на противника. И вышибают его из ангара к едрене матери. Снося поднимающегося по ступенькам москвича, бережно прижимающего к груди загипсованную руку.

Там у нас пешеходный выход – крылечко небольшое с перилами, и ступенек штук пять.

Я как раз выехал через запасной, но перед ним давно не чистили, у меня колеса вязнут в сугробе. Поэтому я временно обездвижен и могу только наблюдать, как клубок из десятка бронированных тел катится по ступенькам. Грохот,

вопли и какой-то смутно знакомый пороссячий визг. Хорошо, силовые вроде поняли, что стрелять в ребят без толку. Если б они по-прежнему во все стороны пуляли, тут бы мне точно конец настал. Да наверняка и москвичу заодно.

Вовек этой сцены не забыть. Стоп-кадр. Широкая раскатанная дорога, машин стоит видимо-невидимо. И налоговые, и будка техника-смотрителя шестого района, и цистерны с дерьмом – водители бесплатный цирк смотрят. Перед ними на площадке у ангара куча-мала, в центре Тишка виднеется, уже вновь овладевший говнодавом. Из-под кучи москвич выползти пытается, но его кто-то за ногу ухватил и, судя по выражению лица полковника, на болевой прием ее взял.

Кругом автоматы валяются, и пропыру Кузя потерял.

Тут на площадку влетает черный джип, из него прыгают мэр и прокурор. Секунду в ужасе на происходящее глядят, потом орать начинают, но поскольку их никто не слышит, бросаются кучу-малу самолично растаскивать. Это смелое решение – мэру тут же дают в репу, он падает, и куча его накрывает.

Я, главное, сижу, как последний у-о, в своей коляске, с места двинуться не могу. Кричать-то бригаде, чтобы прекратила, бессмысленно, пробовал, глотка уже сорвана.

Если б не техник-смотритель, не знаю, чем бы все закончилось. Ребята мои только во вкус вошли, а силовые, те вроде ошалели – в жизни им никто такого успешного сопротивления не оказывал.

Но техник, он то ли побоялся возможного смертоубийства, то ли просто решил социальную справедливость учинить. Короче, он подбежал к ближайшей цистерне, что-то водиле сказал, отцепил сливной шланг и потянул к месту драки. А водила на цистерне крышку откинул и руку в пульт запустил.

Техник им по-честному крикнул – хватит, мол, а то худо будет. Но силовые как раз Тишку свалили, Михалыч за него обиделся и начал всех направо и налево крестовиной дубасить. Ну, техник и махнул водиле. А тот улыбнулся широко, будто космонавт Мельник перед стартом на Марс, и ручку дернул.

Цистерна-то с подогревом, дерьмо как свежее, даже лучше. И насос там хороший стоит, мощный... Они, главное, не сразу поняли, что происходит, возились еще чего-то, кулаками махали. Ну, тонну они приняли на себя, это точно. Значит, налоговых десять рыл, считая с москвичом, моих обалдуев трое да от отцов города два представителя. Хотя прокурор не в счет, ему сразу говнодавом пониже спины угодило, и он под крыльцо улетел. Выходит, около семидесяти килограммов на нос. Моим-то все равно, они в это дело каждый день ныряют, а вот остальным, в целом, не понравилось. У них еще и обмундирование было, как бы сказать, не по форме.

В общем, решили пока больше не драться.

Техник-смотритель шланг бросил, в машину – прыг, и га-

зу. Правильно, я считаю.

Дерьмовозы тоже с места снялись – и на регенераторную.

И тишина. Даже налоговые не матерятся – стонут только жалобно. И москвич не визжит, охрип, бедный. Потом оказалось – мало того, что ребра ему помяли, когда с крыльца сшибли, так еще ногу вывихнули.

Я кнопку ткнул на подлокотнике коляски, в ангаре ворота открылись.

– Внимание! – кричу. – Предлагаю всем немедленно пройти в отсек санитарной обработки! Дезинфекция за счет компании.

Из-под крыльца вылезает прокурор. Весь в белом – снегу там намело. Держит в руках две половинки чьего-то автомата, одну со стволом, другую с прикладом. Глядит с интересом на медленно оседающую гору дерьма, из которой выбираются участники побоища – кто на четвереньках, а кто и вплавь. Смотрит на меня – все, думаю, конец. А он только говорит, сочувственно так:

– Ну, Сикорский, и вредную же ты профессию себе выбрал!

– Да чё, – говорю, – нормальную... Всегда хотел служить людям. Чтоб им было хорошо!

...Мы теперь на помойке работаем. Ее раньше в городе вообще не было, нынче есть. А то мусоросжигатель сгорел от перегрузки. Ну, я санинспектору ящик огненной воды поставил, так он мне самолично план «утилизационной пло-

щадки» начертил и благословение с гербовой печатью нарисовал. Арендовало «КБ Сикорского» кусок тундры, вырыло котлован, подъезд к нему накатало. По совету психолога выдержал я паузу в несколько дней, чтобы город провонял как следует, – и к мэрии. Внутри мне тогда не пройти было, ну, я не гордый, начальство у подъезда отловил.

Мэр вообще плохо выглядел в тот день – чего вы хотите, город в мусоре тонет и помощи ждать неоткуда, – а как меня увидел, затрясся весь и попробовал от самых дверей подъезда с разбегу в машину запрыгнуть. Поскользнулся, головой в сугроб – хрясь! Я уже тут как тут, колесом ему на шубу наехал, теперь быстро не отвяжешься от Сикорского. Тогда мэр решил инсульт симулировать. А я, пока все суетились, кому надо из помощников – свое предложение об оказании инжиниринговых услуг. Мэр таблеток сердечных поел, отдышался слегка, ему и говорят – спаситель наш тута. Мэр – чё, этот?! Ему – он самый.

И пошло все почти как раньше. Мне бульдозер под ручное управление переделали, ребята помогают машинам разгружаться, выскребают что прилипло. Новый сжигатель обещают не скоро – денег нет, – и от печальных дум о будущем я временно застрахован.

Техник из шестого района тоже к нам подался, исполнительным менеджером. Говорит, на помойке делается реальное дело, живое, для всеобщей пользы, да еще и весело. И то правда, на канализации нынче от тоски помрешь. Как только

скандал до Москвы докатился, приехала к нам большая комиссия, а едва растеплилось, начали по городу класть современную морозоустойчивую фекальную систему. Конструкция продуманная, никогда не заткнется, с Аляски специалисты приезжали – только языками цокали.

Ребята поначалу слегка приуныли. Я их понимаю, все-таки «пробойник» звучит гордо, вы произнесите вслух – пробойник! – мощно, да? А «оператор У-площадки» – совсем не звучит. На том же комбинате операторов всяких, как в тундре оленей. Со шваброй бегают, а уже оператор. Психолог, и тот не сразу парням растолковал, что новая их профессия не менее опасная, героическая и нужная людям, чем прежняя. И тут я в один прекрасный день, орудуя рычагами и наблюдая, как бригада в мусоровозе копошится, слово придумал – «отбойник». Ребята ведь чем занимаются? Отбивают от кузовов машин куски прессованного мусора. Так и говорю: были вы пробойники, а теперь отбойники – какая разница? Повеселели. Действительно, какая разница?

Ведь эта наша работа на прежнюю до удивления похожа. Я уже мечтаю иногда, чтобы запретили населению мебельные гарнитуры на помойку выкидывать – а то возни с ними...

Вот, опять! Целых три холодильника. Я их, конечно, гусеницами утрамбую. Но котлован у меня не резиновый! А народ в него валит что ни попадя. Ладно б одни холодильники. Ужас, чего только мы не утилизируем. И в каких объемах. Едва за мусоровозами поспеваем, да и места уже в обрез,

пора еще площадку открывать и искать человека на второй бульдозер.

Точно – запретить. Чтоб не смели выбрасывать, как то: снегоходы разукomплектованные и кузова автомобильные. Двигатели бензиновые, дизельные и электрические. Колеса в сборе, диски, шины, детали, подвески крупнее наконечника рулевой тяги. Плиты кухонные. Стиральные и посудомоечные машины. Прочую бытовую технику. Отдельно ванны, за них вообще бить смертным боем. Ванны процессу утилизации мешают невероятно, особенно большие гидромассажные, те просто нам на площадке отравляют жизнь. Технику множительную и электронно-вычислительную – тоже желательно на фиг. Мониторы разные – к чертовой матери. Туда же антенны спутниковые и усилители к ним. Никаких деталей систем вентиляции и кондиционирования. Под запрет – отопители любых видов. Мебель комплектную и некомплектную. Рамы оконные. Трубы любые. Совсем любые – включая музыкальные инструменты. Тоже любые. Игрушки детские, мягкие и жесткие. Игрушки взрослые, как в надутом, так и в сдутом виде...

И унитазы. С унитазами, конечно, довольно легко справиться, но они меня почему-то особенно раздражают!

«По самым предварительным оценкам, для модернизации коммунальных сетей России понадобится не менее 10 лет и 555 миллиардов рублей».

Из газет, осень 2001 г.

ООО «Психотроника»

**представляет комплексные
терапевтические программы нашего
дочернего предприятия АО «Психфак»:**

Скучно? Грустно? Некому руку подать? Воспользуйся услугой **«Вызов собутыльников на дом»**.

Они решат все твои проблемы! Интеллигентные собутыльники с в/о и московской пропиской, в составе бригад от двух человек. Грамотно разольют, правильно ответят на вопрос «Ты меня уважаешь?», сбегают за добавкой. Профессиональная разделка воблы, варка макарон и пельменей.

Опция: запой от 3 суток до недели с последующим купированием.

Спецпредложения: конфликт с соседями, пьяная драка.

Вызов милиции бесплатно.

Специально для скучающих офисных рабов и интернет-зависимых.

Уникальный проект **«ПОЧТИ КАК ЛЮДИ»**.

Невероятные приключения в обстановке, приближенной к реальной. Докажи себе, что ты мужик! Выбирай из списка или закажи пакетом (скидки до 30%):

Действующая модель надоевшей жены.

Эта сварливая тварь научит тебя поступать по-мужски.

Действующая модель любовницы.

Юная стерва, полная дура во всем, кроме денег и секса, выжмет из тебя все соки! Интим по желанию, без желания и против желания клиента.

Дети!!!

Обаятельный сорванец превратит твой дом в развалины, а его прелестная сестренка нагадит сверху!

В цену пакета входит страхование рисков. Почувствуй себя человеком!

Сослуживцы думают, что ты чмо? Нет проблем. Закажи услугу **«ПРИЗРАК ОПЕРА»**.

Скажись на денек больным. В твое отсутствие офис посетят сотрудники МВД. Они перевернут всё вверх дном и допросят твоих коллег на предмет «где ты был с девяти до одиннадцати». Опционально: утечка информации. Широкий

ассортимент подозрений: вооруженное ограбление, рецидивное многоженство, уклонение от уплаты налогов ЮКОСа и т.п.

Приходи в офис завтра и посмотри на эти испуганные рожи!

Эксклюзив для состоятельных клиенток!

«Вспомни годы молодые!»

Пьяный муж пришел со смены. Он отпахал у станка, пропил получку и огреб по морде, а на ужин нет мяса... СЕЙЧАС НАЧНЕТСЯ! Мы гарантируем, что твоя жизнь заиграет яркими красками!

И наконец, только для законченных экстремалов аттракцион **«DAS BOOT» (ПОДВОДНАЯ ЛОДКА)**

Месяц в коммуналке. Пять семей, один санузел. Полуподвал.

Опции: злостное хулиганство, пробой магистральной канализации, пожар, атака глубинными бомбами, аварийное всплытие.

ООО «ПСИХОТРОНИКА»

БЬЮЩАЯ В ГЛАЗ РЕАЛЬНОСТЬ

Работаем до последнего клиента

Мы идем на Кюрасао

Петр Тизенгаузен, молодой дворянин из мелкопоместных, был с придурью.

Еще в детстве его одолевали всякие идеи: то затеет вертеть дырку до центра земли и обрушит летний нужник; то возьмется изучать самозарождение мышей в грязном белье и увидит слишком много интересного; то задумается, чего люди не летают, и после ковыляет с ногой в лубках. Когда Петр наконец вырос и озаботился вопросами попроще, а именно, почто у девок сиськи и как от вина шумит в голове, родители юного Тизенгаузена заметно воспряли духом.

Но годам к восемнадцати, когда все ему стало окончательно ясно, понятно, доступно, а от этого как-то пресно, Петру нечто особенное вступило в голову.

От скуки Тизенгаузены держали парусную шнягу, на которой в ясную погоду гуляли по Волге-матушке под гармошку и самовар с баранками. Шняга была верткая, легкая, быстрая, не боялась волны, прелесть суденышко. На ней даже стояла пушчонка для потешной стрельбы, из разряда тех, которые пищалью назвать уже нельзя, а орудием еще совестно.

И вот на эту шнягу Петр Тизенгаузен вдруг зачастил.

Экипаж шняги состоял из шестерых мохнорылых оборотов под командой вольноотпущенного матроса деда Шугая. Тот Шугай, даром что дед, носил флотскую косичку, в ухе

серьгу и за поясом нож. Еще он был знаменит аж на другом берегу Волги-матушки невероятным своим сквернословием и ловкостью в работе со всякой снастью. Рассказы деда Шугая о дальних походах и истоплении басурман тянулись часами, ибо на одно русское слово у него приходилось три-четыре морских. Но если слушать внимательно, то можно было узнать вещи поразительные – например, что у китаянок дырка поперек.

Главное, со шнягой дед управлялся отменно. Не было случая, чтоб его мохнорылый экипаж черпнул бортом воду, навалился на другое судно или, скажем, пропил с похмелья якорь, – что на Волге-матушке испокон веку считалось в порядке вещей.

Приняв командование и понизив деда Шугая до боцмана, каковое понижение было компенсировано дополнительной чаркой водки в день, Петр Тизенгаузен развил на шняге кипучую деятельность. Во-первых, он перекрестил ее из «Ласточки» в «Чайку». Во-вторых, заставил матросов основательно подновить судно и заново покрасить. В-третьих, оснастил «Чайку» рындой. И принялся на шняге по Волге-матушке разнообразно вышивать. И в вёдро, и в дождь, и при любом ветре «Чайка» сновала туда-сюда, оглашая великую русскую реку чудовищной руганью и вытворяя такие эволюции, что соседи Тизенгаузенев крутили пальцем у виска.

– Эх и угораздило же меня с моим талантом родиться в России! – возмущался Петр, когда ветер стихал и команда

садилась на весла. – Что скажете, пиратские морды?!

– Ё! – дружно орали пиратские морды.

Экипаж шняги, надо сказать, разросся уже до дюжины мохнорылых, и морды у них вправду были довольно пиратские. Тизенгаузен самолично отбирал на борт мужиков, из-за чего даже имел серьезный разговор с папенькой.

– Как один острожники! – возмущался папенька. – Зарежут! Сожрут!

– А у меня пистолеты, – отвечал Петр.

Со временем эволюции шняги стали приобретать угрожающий оттенок: «Чайка» шныряла в опасной близости от других судов. Опытный глаз легко угадал бы в ее маневрах развороты для бортового залпа и абордажные заходы.

Вскоре со шняги, помимо обычной ругани, донеслась еще и пальба: Петр выставил на фарватер старый ялик и крутился вокруг него, поливая картечью из пушчонки.

Обеспокоенный папенька бросился к маменьке.

– Быстро жени мальчишку на соседской дочери, пока не началось!

Но было поздно.

Следующим утром на мачте «Чайки» взвился черный флаг. На квадратной тряпке были грубо намалеваны череп и кости.

– Прощайте, маменька и папенька! – крикнул Петр, стоя у руля. – Не поминайте лихом! Мы идем на Кюрасао!

Маменьке сделалось дурно. Папенька в сердцах плюнул

шняге вслед.

– Да ты раньше Калязина потонешь, – сказал он.

Шняга подняла все паруса и, подгоняемая легким попутным ветром и крепким матом, унеслась.

Ликующий экипаж выпил по чарке водки за успех предприятия и во славу капитана.

– Стану адмиралом, будете пить по две, – пообещал Петр.

– Ё!!! – заорали пиратские морды.

Тизенгаузен подобрал команду умышленно – все его матросы были, помимо вдового деда Шугая, в разладе с женами и мечтали убраться куда подальше. Хоть на Кюрасао. Поглядеть заодно, правда ли у китайнок дырка поперек.

Шняга весело скакала по мелкой волне.

* * *

К обеду вышли на траверз села Концы. Стали на якорь в видимости скобяной лавки жида Соломона – больше в Концах ничего достойного внимания не было. Тизенгаузен высаdil на берег десант во главе с огромным рыжим Волобуевым.

– Все ясно, пиратские морды? – напутствовал флибустьеров капитан.

– Ё! – ответили флибустьеры.

Жид Соломон, увидев выходящую на берег шайку и осознав, что морды приближаются сплошь пиратские, заперся в

лавке. Волобуев со товарищи неуверенно потоптались у двери, постучали обухами топоров в ставни, и все было бы ничего, не вздумай Соломон показать флибустьерам в замочную скважину кукиш.

Десант запросил поддержки с моря.

– Наводи, – приказал Тизенгаузен канониру Оглоедову. – Пали!

Пушчонка жажнула по лавке и с первого раза засадила ядрышко аккурат в замочную скважину.

Лавка была захвачена без боя, только жид Соломон с перепугу остался на всю жизнь зайкою. Жена его и дочери отделились не в пример легче, правда, следующей весной почти одновременно родили по мальчишке.

– Ну дает Соломошка! – изумлялись в Концах. – Заика, а ишь ты!

Пираты взяли в лавке богатый приз скоб, гвоздей и амбарных петель. Из скоб понаделали абордажных крючьев, гвозди порубили на картечь, петлями набили трюм в разумении когда-нибудь их выгодно продать.

«Чайка» ушла от греха подальше на другой, безлюдный, берег, чтобы первый успех подобающе обмыть, заесть и переспать. А утром пиратская шняга, еще веселее и шумнее прежнего, двинулась промышлять дальше.

План Тизенгаузена был прост: накопив пиратский опыт в относительно безопасных пресных водах, вырваться на оперативный морской простор, а там у кого-нибудь спросить до-

рогу на Карибы. Напрасно папенька думал сына женить на дочери соседа. В мечтах Петр видел себя зятем губернатора Тортуги, не меньше.

Вскоре на горизонте замаячило нечто большое и неповоротливое, отдаленно напоминающее транспорт с хреном. Оглашая берега эпитетами, «Чайка» начала маневр сближения. Канонир Оглоедов зарядил пушчонку сушеным горохом – на первый выстрел, для остратки.

Намеченная на abordаж жертва оказалась вблизи именно что транспорт с хреном.

– Вы чего?! – заорали оттуда сверху вниз. – Мать вашу!

Но крючья уже, хрустя, впивались в борт. Абордажная команда Волобуева, размахивая топорами, бросилась на приступ.

Капитан Тизенгаузен грозно ступил на палубу транспорта.

– Сарынь – на кичку! – крикнул он и стрельнул из пистолета в воздух.

За что немедленно получил вымбовкой по голове и упал.

– Ё! – рывкнул канонир Оглоедов.

Пираты дружно присели, жახнула пушчонка, и заряд гороха пришелся точно по мордасам вражеской команде, столпившейся вокруг мачты.

Транспорт сдался на милость победителя.

– До чего же мы, русские, несговорчивый и упёртый народ, – сокрушался Тизенгаузен, держась обеими руками за голову. – Я же вам крикнул, обормотам, сарынь – на кичку.

А вы?

— Да мы тут все, в общем, не графья, — хмуро сказал капитан. — Чистая сарынь. А ты-то кто, мать твою, истопник хренов?

— Вот и вправду пушу на дно твое корыто — будешь знать, какой я истопник, — пригрозил Петр. — Капитан Тизенгаузен! Пиратская шняга «Чайка»! Слыхал? Ничего, еще услышишь. Деньги на бочку! А то картечью пальнем!

Денег набралось чуть более пятиалтынного. Зато хрена баржа везла, как метко заметил дед Шугай, очень много.

— Никто не хочет вступить в мою команду? — спросил Петр. — Ну и плывите отсюда... С хреном! И всем расскажите, что вас взял на абордаж капитан Тизенгаузен!

— Ага, — скучно ответили ему.

* * *

Когда баржа превратилась в пятнышко на горизонте, экипаж «Чайки» выпил по чарке, а Тизенгаузену перевязали голову его же шейным платком, к капитану подошел Волобуев.

— Слышите, барчук, — сказал он. — Вы бы это... Не мое, конечно, дело, но лучше вам не хвалиться своей фамилией направо и налево. Вдруг поймают? Нас-то пороли, порют и будут пороть, дело привычное. А вам может показаться стыдно. Да и шкурка у вас, извините за выражение, не такая дубленая.

- Как стоишь перед капитаном?! – взвился Петр.
- Виноват, – громила вздохнул и ушел на корму.
- Я знаю, что делаю! – бросил Петр ему в спину.

Волобуев спиной изобразил недоверие, но больше ничего не сказал.

Команда, против ожидания, не роптала. Экипаж воодушевила легкость победы, а редкая меткость канонира вселяла надежду на новые успехи. А хрен... Все равно редьки не слаще. Да и награбленная мелочь была хоть мелочь, однако живые деньги.

На следующий день «Чайка» атаковала еще баржу, которую тянули против ветра бечевой. Наученный горьким опытом, Петр приказал открыть огонь загодя. Оглоедов виртуозно накрыл горохом бурлаков, затем вlepил гвоздями по палубной надстройке – строго говоря, шалашу.

– Будешь у меня на фрегате главным канониром, – пообещал Петр.

Команда баржи трусливо покинула судно и убежала по берегу, как метко заметил дед Шугай, очень далеко.

На барже оказались мало того, что всякая мануфактура и провиант, так еще пара ружей с припасом и водки полведра.

Тизенгаузен закусил губу. Приз был что надо, но увести его за собой означало потерять скорость.

– Жалко, не фрегат у нас, – расстроился Оглоедов. – Сейчас бы все забрали.

Стоявший рядом дед Шугай метко заметил, что фрегату

в Волге-матушке было бы тесно.

– Петли амбарные за борт, – приказал Тизенгаузен. – Грузите ткань. Ох, сколько же ее! Кто хочет, может намотать себе бархатные онучи. Хм... А не поставить ли нам алые паруса?

Дед Шугай метко заметил, что хотя тряпья красного полно, но команда устанет шить.

– Ты прав, мужественный старик! – согласился Тизенгаузен. – Что бы мы без тебя делали?

Дед Шугай объяснил что.

* * *

Утром пиратская шняга подошла к убогому селению Малые Концы. Капитан послал Волобуева с людьми на разведку.

– Ну, ты расспроси там, – туманно объяснил он Волобуеву.

Люди ушли и пропали. Канонир Оглоедов скучал у пушечки, дед Шугай травил морские байки, Тизенгаузен разглядывал берег в подзорную трубу.

– Сходите за ними кто-нибудь, – распорядился он.

И остатки команды затерялись среди покосившихся домишек.

Через некоторое время с берега донеслась унылая пиратская песня:

По-над Волгой, да над Волгой
Да над Волгой, Волгой-ой!
Раздается по-над Волгой
То ли песня, то ли вой!
Этот вой зовется песней
По-над Волгой, Волгой-ой,
Потому что хоть ты тресни,
А помру я молодой!

– Перепились, сволочи, – понял Тизенгаузен.

– А то из пушчонки жахнуть? – с надеждой спросил Оглодов, сглатывая слюну. Глаза у него едва не слезились, вероятно, от сострадания к поющим. – Глядишь, прибегут. Или лучше прикажите, я за ними сметаюсь?

– Всем оставаться на борту! Стрелять не будем, припаса жалко. Подождем еще.

Команда вернулась на борт только утром. Вид у пиратов был виноватый, дышали они в сторону.

Дед Шугай за неимением боцманской дудки обошелся словами. Команда послушно изобразила подобие строя во фрунт. Канонир Оглодов, справедливо полагая, что его это все не касается, остался у пушчонки, недобро щуря левый глаз.

– Зачинщики – шаг вперед! – приказал Тизенгаузен. – Перепорю негодяев!

Пираты дружно, как один, шагнули.

Капитан Тизенгаузен впервые в жизни опустил до непе-

чатных выражений. Как после метко заметил дед Шугай, капитану еще было чему учиться, но для начала выступил он неплохо.

– ...А тебя, паразита, – сказал в заключение капитан, тыча пальцем в грудь огромному рыжему Волобуеву, – я с этого дня назначаю старшим помощником!

– За что, барин?! – взмолился Волобуев.

– А вот будешь моей правой рукой. И за каждое прегрешение этих обормотов мохнорылых схлопочешь горячих!

– Может, не надо? – попросил Волобуев. – Вон же, боцман есть...

Тизенгаузен покосился на деда.

Дед Шугай сказал, что он уже стар для всего этого, а Волобуев в самый раз.

* * *

С новообретенным старпомом шняга понеслась выискивать добычу, как укушенная. Казалось, она летела быстрее ветра. Может, у Волобуева и не было таланта моряка, зато он умел убеждать.

– Что там было-то хоть, в деревне? – спросил Тизенгаузен у боцмана.

Из объяснения деда Шугая следовало, что в деревне нашлась бражка и ничего больше интересного.

– И как пиратствовать с такой командой, а? – Петр вздох-

нул.

Дед Шугай сказал как.

Через пару часов впереди показалась такая же шняга, идущая галсами навстречу. Петр схватил подзорную трубу. Команда приободрилась. Но Тизенгаузен увидел что-то такое, отчего сел под мачтой и загрустил.

– Отставить, – сказал он. – Разойдемся.

Встречное судно приближалось. Вот уже стало видно, как над ним вьется дымок самовара.

– Эй! – раздалось над Волгой-матушкой.

Тизенгаузен вобрал голову в плечи.

– Да это же Петя! Тизенгаузен! Петюнчик! Эй, на барже! Лом не проплывал?! Ха-ха-ха-ха-ха!!!

Пираты заскрипели зубами. Капитан молчал.

– Петюнчик! Ты ли это? Спускай паруса! Давай к нам чай пить! Ой, глядите! Да у него флаг пиратский! Эй, Петюня! Дружище! Гроза морей! Ха-ха-ха!!!

Тизенгаузен сидел красный, как вареный рак.

– Капитан! – прошептал канонир Оглоедов. – А то жакнуть?

Петр молча показал ему кулак.

Шняги сходились под свист и улюлюканье с одной и гробовое молчание с другой.

– Адмиралу Тизенгаузену – ура! – надрывались на встречном судне.

А вот этого не надо было. Потому что Петр переменялся

в лице, вскочил на ноги, прошел к рулевому, отодвинул его и взял управление.

– К повороту, – сухо приказал он. – Слушай меня. Абордажа не будет. Оглоедов! Бей картечью по парусам. Бери выше, если кого там зацепишь – не пощажу.

Пиратский экипаж, до этого переносивший унижение стоически, теперь с горящими глазами бросился по местам. «Чайка» пошла на сближение.

– Давай, Оглоедов, – сказал Петр. – Покажи им. Пали!

Жах! У пушчонки засуетились, заряжая. Жах! На встречной шняге поднялась суматоха, там махали руками, истошно орали, кто-то сиганул за борт.

Паруса у встречного были уже как решето, а Тизенгаузен целил острым носом «Чайки» ему под корму.

– К повороту!

В последний момент «Чайка» легла набок. Хрясь! Мелькнули белые лица, раззявленные рты, вздетые кулаки – и промелькнули.

– Пусть теперь походят по матушке по Волге без руля-то да без ветрил, – сказал Тизенгаузен. – Чего молчим, пиратские морды?

– Ура капитану Тизенгаузену!!! – раздалось над великой русской рекой. – Ура! Ура! Ура!

Петр Тизенгаузен стоял на корме, твердой рукой направляя «Чайку» к великим свершениям. Над коротко стриженной головой капитана развевался пиратский флаг.

Водный приступ к богатому торговому селу Большие Концы стерегла крепостица. Это ветхое сооружение, возведенное, сказывали, аж при царе Горохе, было в новейшие времена оснащено российским штандартом и пушечной батареей при инвалидном расчете. Сейчас штандарт грустно висел книзу, пушки убедительно торчали из бойниц, инвалиды безалаберно покуривали на крепостной стене.

«Чайка» заблаговременно спустила пиратский флаг, прикидываясь гражданской посудиною. Тизенгаузен рассчитывал сбыть в Больших Концах награбленную мануфактуру, пополнить запас провианта да разузнать новости.

Не тут-то было. Едва шняга приблизилась к крепостице на выстрел, одна из четырех пушек окуталась дымом, шарахнула, и по курсу «Чайки» поднялся водяной столб.

– Ну-у, началось... – бросил Петр, стараясь не подавать виду, что на душе заскребли кошки.

Он поплюнул палец и высоко поднял его над головой. Ветер дул еле-еле, впору было сажать команду на весла.

– Проскочим? Или не проскочим? – подумал вслух Петр.

– На таком ходу не проскочим, – уверенно сказал канонир Оглоедов. – Там в наводчиках Федор Кривой. Ему, заразе, целиться самое милое дело: лишний глаз не мешает. Сейчас еще далековато, а чуть ближе подползем – утопит нас с од-

ного залпа.

– Откуда знаешь? – удивился Петр.

– Так Федор мой учитель, – гордо сообщил Оглоедов. – Я на этой самой батарее служил малость, пока в острог не загремел.

– За что посадили-то?

– За страсть к пальбе, – скупно объяснил Оглоедов.

– Понятно, – сказал Тизенгаузен. – Эй, старпом! Ложимся пока в дрейф, а там видно будет.

– Боцман! – рявкнул Волобуев. – Ложимся пока в дрейф, а там видно будет!

Дед Шугай метко заметил, что кричат людям прямо на ухо только глухие и тупые.

От крепости отвалил ялик и неспешно погреб к «Чайке».

Тизенгаузен, заложив руки за пояс, стоял под мачтой и размышлял, не поднять ли снова пиратский флаг, раз уж такое дело, но не мог решиться. Теплилась еще надежда, что им отсигналили по ошибке. А может, вышло предписание каждое судно так встречать в Больших Концах – ради предотвращения.

Ялик подвалил к борту. В лодчонке оказался красномордый прапорщик, неопрятный и пахнувший сивухой.

– Который здесь будет капитан Тузигадин? – спросил он. – Примите от коменданта пакет, ваше благородие.

Петр сделал каменное лицо и взял письмо так лениво, будто пакеты от комендантов приходили к нему каждый божий

день.

– Подождите ответа, милейший, – буркнул он.

– Дык, – прапорщик кивнул. – Ага, и ты здесь, Оглоедина, морда разбойная? Дома не сидится, в истопники подался?

– А дома-то что хорошего? – мирно отвечал Оглоедов. – Баба постылая, работа каторжная да семеро по лавкам.

– Узнаешь теперь работу каторжную, – пообещал ему прапорщик.

Петр развернул письмо.

«Милостивый государь Петр Петрович! – писал комендант. – Поскольку велено мне губернатором бесчинства на Волге-матушке прекратить и самого вас, сыскав, представить, осмелюсь рекомендовать следующее. Сдавайтесь-ка вы, голубчик, подобру-поздорову, пока дело не зашло слишком далеко. Нынче еще можно ваше предприятие обрисовать как неумную проказу и выставить вас перед губернской властью, простите всемилостивейше, молодым романтическим идиотом. Смею надеяться, отделаетесь порицанием и вернетесь домой вскорости. Проявите благоразумие! То же и папенька ваш советует, от коего передаю сердечный привет и полное прощение».

Тизенгаузен сложил письмо вдвое, потом вчетверо. Снова развернул. Перечитал. Опять сложил. Окинул взглядом своих людей. Команда ждала, что скажет ей капитан, затаив дыхание. В глазах флибустьеров горели собачья преданность и русская надежда на авось.

Даже «молодой романтический идиот» сообразил бы, что станется с экипажем, вздумай «Чайка» сдаться. Пока Петр с комендантом будут гонять чай, пиратов закуют в кандалы и ушлют, куда Макар телят не гонял. Ибо что положено Тизенгаузенам, то не положено Оглоедовым.

А ведь Петр обещал им Кюрасао.

– Флаг поднять... – хрипло выдавил Тизенгаузен.

Его не расслышали, команда заволновалась.

Петр откашлялся.

– Флаг поднять! – звонко скомандовал он. – Эй, прапорщик! Живо на борт. Ты мой пленный.

Прапорщик оттолкнулся было веслом, но красномордого выцепили багром за шкурку и с хохотом втянули наверх.

– Это вам даром не пройдет, – сказал прапорщик, лежа на палубе. – Нет такого закона, чтобы государева человека за шиворот таскать.

– Принайтуйте государева человека где-нибудь на самой корме, а то от него воняет, – распорядился Петр. – Боцман! Всем по чарке за почин сражения.

– Ура капитану Тизенгаузену! – взревела команда.

На мачте взвился черный флаг. Под ним «Чайка» сразу как бы приосанилась, заново ощутив себя не мирной речной шнягой, но отчаянным пиратским кораблем.

Крепость снова окуталась дымом и шарахнула аж во все четыре ствола. Комендант давал понять, что принимает вызов.

Петр ждал водяных столбов, но их не было.

– Берегут ядра, – объяснил канонир Оглоедов. – А вот продвинемся корпусов на десять – накроют нас.

– Боцман! – позвал Тизенгаузен. – Непорядок на борту! Всем по чарке – значит, и капитану тоже!

Водка была теплая и отдавала купоросом. Петр запустил руку в бочонок с квашеной капустой, нагреб посвежее, принялся жевать. Ничего умного в голову не шло. Проскочить мимо батареи в темноте при таком безветрии можно было и не думать – ночи стояли, как назло, самые лунные. Болтаться в виду Больших Концов, ожидая свежака, тоже представлялось глупым. На пристани за крепостью уже толпились любопытствующие. Петр раскрыл подзорную трубу. Так и есть – народ тыкал в «Чайку» пальцами, обидно смеясь. С крепостной стены инвалиды делали неприличные жесты. Того и гляди задницу покажут, сраму не оберешься.

«Что бы сделал на моем месте пиратский капитан? – размышлял Петр. – Интересно, а кто тогда я? Пиратский капитан. Ну, и как бы ты поступил, капитан Тизенгаузен? Наверное, взял бы противника на испуг. А ведь это мысль!»

– Давай на весла, пиратские морды, сдадим назад чуток.

Под язвительный хохот, доносящийся с пристани, «Чайка» отошла от крепости, приблизилась к берегу и отдала якорь.

– Волобуев! Сажай в ялик людей сколько поместится. И ружья возьмите!

Лодчонка ходко почесала к прибрежным кустам и скрылась в них. Назад греб один Волобуев. Но Тизенгаузен в трубу видел: люди никуда не делись, лежат вповалку на дне ялика. А вот из крепости разглядеть это было нельзя.

Ялик сновал туда-сюда, притворяясь, будто высаживает десант. Выглядело это однозначно: пираты, сообразив, что миновать крепость водой не смогут, решили приступить к ней с суши. Угроза была вполне значимой. Сколько пиратов на шняге, комендант точно знать не мог, но грузоподъемности суденышка как раз хватало для команды, способной душевно начистить рыла инвалидам с батареи. Вся надежда крепости в случае приступа была только на пушки.

Сделав вид, что высадил две дюжины буханьеров, Тизенгаузен прибрал ялик к корме и стал выжидать. Смеркалось. Наконец комендант не выдержал. Длинное рыло одного из орудий втянулось за стену. Потом другое, третье... В крепости шла ожесточенная работа: инвалиды, обливаясь потом, перетаскивали батарею, готовясь отражать атаку с берега.

Над Волгой-матушкой стояло вечернее безмолвие, в котором издали слышна была многоголосая ругань и извечное русское «Э-эй, ухнем! Эй, зеленая, сама пойдет!».

– Как же, пойдет она сама... – канонир Оглоедов только хмыкнул. – Пупок развяжется, тогда с места сдвинется.

– Мы – когда?.. – коротко спросил его Тизенгаузен.

– Рано, капитан. Сейчас они четвертую оттащат и замертво упадут. Я скажу, скажу.

Ветер стих окончательно. Команда вся сидела на веслах, даже вонючего прапорщика к делу приспособили. И ялик спереди запрягли.

– Теперь время! – прошипел Оглоедов.

– Команда, слушай! – шепотом крикнул Тизенгаузен. – И-и-раз!

«Чайка» легко тронулась, набирая ход.

До самой крепости дошли безопасно, потом шнягу заметили – над стеной раздался матерный визг, хлопнул ружейный выстрел.

– Накося выкуси! – заорал Волобуев. – И-и-раз! Навались, православные!

– Ё!!! – отозвались православные.

Инвалиды даже не пробовали вернуть пушки на место – ясно было, что не успеют. «Чайку» обстреляли из ружей, одна пуля засела в борту, другая расщепила весло.

– А то ответим, капитан? – с надеждой спросил Оглоедов.

– Было бы на кого припас тратить! – заявил Тизенгаузен надменно. – Впрочем... Пальни разок, чтоб знали. Только не вздумай по флагштоку. Там штандарт с гербом российским.

– Знамо дело, – заверил Оглоедов. – Мы же русские пираты, чай не басурмане какие.

Пушчонка жахнула картечью по крепостной стене, выбив из нее облако пыли. Под громовое «Ура капитану Тизенгаузену!» шняга уходила вдаль по Волге-матушке.

Наконец крепость осталась позади. «Чайка», облаянная собаками и ночным сторожем пристани, благополучно миновала Большие Концы. Выпили по чарке. Настроение на борту царило безмятежно-возвышенное. До флибустьеров дошло, что они ненароком совершили взаправдашний подвиг и обязаны этим своему капитану.

– А с государевым человеком что делать? – спросил Волбуев, предъявляя капитану прапорщика, взопревшего от весельной работы.

– За борт, – небрежно бросил Петр. – Заодно и помоеется. Государеву человеку, дабы не утоп случаем, вручили бо-чонок из-под квашеной капусты.

– Раздайся, грязь, – дерьмо плывет! – скомандовал канонир Оглоедов.

Прапорщика метнули за борт так рьяно, что он верных полпути до берега летел по воздуху. Бултыхнуло.

– Это вам даром не пройдет! – донеслось издали. – Нет такого закона, чтобы государева человека в воду кидать...

Дед Шугай сказал, какой зато есть закон.

– Ну, ты полегче, старина... – ласково попросил Петр. – Ох, да что это с тобой?

В лунном свете все казались бледными, но лицо деда было белее, чем хорошо накрахмаленное исподнее. Петр пригля-

делся и увидел, что плечо Шугая криво перевязано набухшей тряпицей.

– Ерунда, ваше благородие, – сказал боцман. – Пульку словил из крепости. Бывало и хуже. Заживет, как на собаке...

Тизенгаузена равно ужаснули ледяное спокойствие деда и внезапное исчезновение из его речи морских слов. Капитан смекнул: дело худо.

– К берегу! – потребовал он.

Дед Шугай удивленно посмотрел на капитана и вдруг упал.

На берегу Тизенгаузен приказал развести костер, вскипятить воды, порвать на бинты чистую рубаху, принести сошныги фонарь, острый нож и иголку с ниткой.

Приготовлениями руководил Волобуев.

– А это надо? – опасливо спросил он, глядя, как Тизенгаузен собственноручно правит нож на оселке. – Авось оклемается наш боцман. А гикнется, так на то и божья воля, значит.

– Не бойсь, – заверил Петр. – Я же дворянин, если ты забыл.

– Как можно! – Волобуев даже обиделся.

– Любого дворянина с детства учат воевать, – объяснил Тизенгаузен. – А заодно и штопать дырки, которые случаются в людях от войны. Лекарь я, конечно, неумелый, но пулю извлечь, промыть рану и зашить ее – смогу. Иначе вспыхнет в ране антонов огонь, и если придется руку отрезать, считай,

еще повезло. Нужен тебе однорукий боцман?

– Капитан дело говорит, – подтвердил канонир Оглодов. – Петр Петрович, ваше благородие, сколько водки в деда заливать?

Тизенгаузен бросил короткий взгляд на Шугая, который что-то невнятное бормотал в бреду.

– Сколько влезет, – сказал Петр.

* * *

Пиратская шняга пряталась в камышах целый день, с нее для большей скрытности даже сняли мачту. Команда стирала бельишко, чинила одежонку да рыбачила, стараясь особо не высовываться. Трех самых неприметных Тизенгаузен послал берегом в Большие Концы – продать на рынке шелка, прикупить водки и чего-нибудь вкусенького.

– Вернетесь пьяными – оставлю на берегу, – сказал капитан. – Не вернетесь – тем более.

Волобуев тоже очень хотел сбегать в село, но он был рыжий и высокий, такой сразу бросится в глаза. Оглодов со вздохом сказал: «Меня там слишком хорошо помнят, нюхнули они моего порошу...» – и даже не попросился. Впрочем, обоих Тизенгаузен не отпустил бы. Из рыжего детины буквально на глазах вырастал отличный старпом, а уж с канониром «Чайке» слишком повезло, чтобы им хоть как-то рисковать.

Дед Шугай тихо похрапывал и улыбался во сне. Лицо его налилось здоровым румянцем, то ли от водки, то ли вообще.

Посланцы вернулись мало что трезвые, так еще и удачно поторговавшиеся. Разузнали новостей: комендант рвет и мечет, затеял пороть своих инвалидов, а народ радуется.

– Чему радуется-то? – не понял Тизенгаузен. – Пираты нос властям утерли, тут сердиться надо бы. Ну, народ... Ну, страна...

– Это в вас немецкая кровь бунтует, ваше благородие, – подсказал Волобуев. – Порядку ей хочется.

– Да сколько ее, той крови, осьмушка разве, – Петр безнадежно махнул рукой. – Русский я – и по пачпорту, и по физиономии. А все одно в толк не возьму, отчего на моей родине, куда ни плюнь, такой перекосяк.

Дед Шугай сказал отчего. Голос его звучал еще слабо, но вполне убедительно.

– Ура! – воскликнул Петр. – Боцман с нами! Налейте-ка мне по такому случаю.

Водка была теплая и отдавала олифой. Тизенгаузен привычно пошарил рукой, но бочки с квашеной капустой рядом не нашлось.

– Ну? – спросил он неопределенно.

– Готовы к отплытию, – доложил Волобуев. – Идем на Курасау!

– На Кюрасао, – поправил Петр. – А ведь придется вам, братцы, учить нерусские языки. Там по-нашему не говорят.

– Не умеют? – удивился Волобуев. – Научим.

– Всех не научишь. Карибское море, – сказал Петр, – это тебе не Волга-матушка.

– Нешто нерусь такая тупая? – удивился Волобуев.

Дед Шугай метко заметил, что тупые всюду есть.

С тем и отвалили.

* * *

Некоторое время плыли без происшествий. Горизонт был пуст, еще пустыней выглядел берег. Оглоедов начищал свою пушчонку, Волобуев следил за порядком, дед Шугай, временно освобожденный от боцманских обязанностей, выздоравливал. Сыграли забавы ради боевую тревогу, после наловили рыбки, сварили прямо на борту вкуснейшей ушницы.

– Ну, живем, – сказал Тизенгаузен, поглаживая сытый живот. – Будто не пираты, а обыватели какие, самовара не хватает с баранками.

– Гармошку бы еще, – поддакнул Оглоедов.

И затянул веселую пиратскую песню:

Как по матушке по Волге,
Да по Волге-Волге, ё!
Проплывает да по Волге
Вот такое ё-моё!

Проплывает вот такое,
Да по Волге-Волге, ё!
Здоровенное какое,
Честно слово, не моё!

– А самовар у этих отнимем, – добавил Оглоедов, всматриваясь из-под ладони в речную даль. – Может, и гармошка у них тоже найдется.

Петр схватился за подозрную трубу, глянул вперед и похолодел.

Встречным курсом шла черная как смоль пушечная барка. Паруса у нее тоже были черные, и длинный черный вымпел развевался по ветру.

Тизенгаузен ждал чего угодно, только не этого. «Чайка» едва начинала флибустьерскую карьеру, а тут ей навстречу попались всамделишные истопники, русские речные пираты, те самые, что «...и за борт ее бросает в надлежащую волну». Петр думал, они остались только в былинах и рыбацких песнях, извели их на Волге-матушке, ан нет.

– Это мне кажется или у них кто-то болтается на рее? – неуверенно пробормотал Тизенгаузен себе под нос.

– Дозволь обозреть, капитан, – раздалось сзади.

Петр обернулся. На него выжидающе смотрел дед Шугай. Тизенгаузен отдал трубу боцману. Тот неловко принял ее одной рукой.

– На плечо мне клади, – разрешил капитан.

– Благодарствую, – сказал боцман, и от этой вежливости

сердце Тизенгаузена натурально ушло в пятки.

Дед едва глянул на барку и чуть не выронил трубу.

– Holy shit! – пробормотал боцман.

Тизенгаузен почувствовал, что ему становится дурно.

– Там правда удавленник висит на рее? – спросил он несмело.

– Там всегда кто-то висит, – тихо ответил боцман.

И добавил кто да за какое место.

Барка дала предупредительный выстрел из носовой пушки. В воду плюхнулось ядро и заскакало по невысокой волне.

Петр поднял руку, давая команде понять, что раньше времени суетиться не надо.

– На прямых курсах шняга не оторвется от этой черной дуры, – сказал он негромко. – Но у нас лучше маневр. Можем славно покрутиться вокруг да попортить барке обшивку. Конечно, рано или поздно накроют бортовым залпом... Что посоветуешь, старина?

Дед Шугай посоветовал.

– А если серьезно?

Дед Шугай метко заметил, что положение серьезнее некуда. И совет его вполне к месту. Ну, можно еще выброситься на берег и ломануться врассыпную по кустам.

– Я свой корабль не брошу, – отрезал Тизенгаузен. – Не для того мы отправились в путь.

Он повернулся к Волобуеву и отдал приказ спустить паруса.

Барка надвигалась на шнягу, как черная смерть. «Чайка» оцетинилась ружьями и топорами. Оглоедов колдовал у пушчонки. Тизенгаузен нацепил шпагу, проверил и заткнул за кушак пистолеты.

– Молитесь, кто умеет! – посоветовал он команде и сам зашептал «Отче наш».

– Эх, Отче наш! – вторя капитану, рывкнул Волобуев. – Иже еси на небеси! Дальше забыл, короче говоря, аминь и кранты. Веселее, братцы! Не позволит Никола-угодник, верховный спасатель на водах, чтобы нас – да за просто так! Всем по чарке – и к бою! За капитана Тизенгаузена, пиратские морды!

– Ё!!! – проорали пиратские морды. – Аминь!

Барка тем временем тоже убирала паруса, ход ее замедлился. Палубные надстройки отливали смолю, пушечные стволы – медью, матросы бегали по вантам, повешенный на рее вяло болтал ногами. Над «Чайкой» навис высокий черный борт, сверху, как приглашение, упали швартовые концы и веревочный трап.

– В гости зовут, – Оглоедов недобро прищурился. – Ну-ну...

– Швартовы принять, – скомандовал Тизенгаузен. – Сидеть тихо, ждать меня, Волобуев за старшего. Если не вернусь... Тогда тем более Волобуев за старшего. Не поминайте лихом.

И полез по трапу.

Через несколько ступенек он почувствовал, что за ним кто-то увязался. Тизенгаузен раздраженно посмотрел вниз. Там карабкался дед Шугай.

– Я пригожусь, капитан, – сказал дед.

Петр недовольно поджал губы и полез дальше.

Вахтенные ухватили его, помогли встать на палубу. Тизенгаузен отряхнул камзол, поправил шпагу, заложил руки за спину. Все это он проделал для того, чтобы как можно позднее встретиться взглядом с капитаном барки, сидевшим под мачтой на перевернутой бочке. А когда Петр набрался храбрости поднять глаза, капитан уже глядел мимо.

– Hello, Sugar, you, bloody bastard! What the hell are you doing here?!

«Здорово, Сахар, чертов ублюдок, – перевел Тизенгаузен про себя. – Какого дьявола ты тут делаешь?»

Дед Шугай ответил, какого дьявола.

– Твою мать! – воскликнул пират. – Тысяча чертей!

Он вытащил из-за бочки костыль и встал на ноги. Точнее, на одну. Только сейчас Петр разглядел, что другая нога у капитана деревянная. Но все равно этот пожилой, богато одетый моряк выглядел смертельно опасным. От него так и несло погибелью.

Одноногий ловко подскочил к Шугаю.

– Я вижу, ты словил пулю. Как в старые добрые времена, не правда ли?

Дед Шугай сказал, что капитан хорошо заштопал его.

– Этот?.. – одноногий смерил взглядом Петра.

– Капитан Тизенгаузен, – представился тот. – Пиратская шняга «Чайка». Честь имею.

– ...Капитан! – фыркнул одноногий, поворачиваясь к Шугаю. – Тысяча чертей! Между прочим, Сахарок, один наш общий знакомый, Слепой Пью, просил тебе передать стальной привет в печенку.

Дед Шугай холодно осведомился, за чем же дело стало.

– Забудь это! Я никогда не любил Пью. И он давно отдал концы. Сдох под копытами лошади. Позорная смерть для моряка, но подходящая для слепого ублюдка, не правда ли?

Дед Шугай поинтересовался, сколько еще приветов у одноногого за пазухой.

– Больше, чем ты можешь представить! – рассмеялся тот. – Но их незачем передавать. Вся сволочь из команды Флинта нынче в аду. Я был уверен, что и ты сыграл на дно. Какая встреча, тысяча чертей! А пойдем-ка, дружок, потолкуем!

С этими словами он приобнял Шугая и увел за мачту.

Петр Тизенгаузен стоял потупившись. С одной стороны, его пока что не убили. С другой, фактически не заметили. Первое было отрадно, второе обидно.

На всякий случай он выглянул за борт и ободряюще помахал своей команде. Стало еще обиднее. Эти люди уважали его, готовы были пойти с ним куда угодно, но убожество их одежд, снаряжения да и самой «Чайки» показалось вдруг

невыносимым. Черная барка, надраенная до блеска, дышала настоящим морским порядком и чисто пиратской роскошью. Здесь палубу хотелось лизнуть, как леденец, а босоногие матросы носили золотые перстни.

Из-за мачты слышалась ругань на нескольких языках, прерываемая взрывами хохота. Похоже, дед Шугай поверил, что старый дружок не собирается передавать ему приветов, и оттаял.

«А помнишь, как Черный Пес тогда орал – где хреновина, Билли?!»

«Гы-гы-гы!!!»

Петр решил не прислушиваться. Долетали лишь обрывки разговора, и вряд ли из них удалось бы выудить тайну пиратского клада.

Наконец одноногий, громко бухая в палубу костылем и деревяшкой, подошел к Тизенгаузену. Дед Шугай под мачтой что-то пил из пузатой бутылки и заговорщически подмигивал издали.

– Имя – Серебров, – представился одноногий. – Иван Серебров. Пиратская барка «Лапочка», слыхал про такую?

Петр только головой помотал.

– Верно, – согласился одноногий. – И не должен был слышать. Ведь я в доле со всеми береговыми на Волге-матушке. Тихо делаю свои дела. А ты поднимаешь шум, привлекаешь внимание, смущаешь народ. За каким хреном – сто чертей тебе в селезенку и адмиралтейский якорь в ухо?!

– Мы идем на Кюрасао, – твердо произнес Петр. Одноногого эта новость не смутила ни капельки.

– На Кюрасао? Что же, почему нет... Попутного ветра. Только смотри, парень: ты угодил между дьяволом и глубоким синим морем. Собрался на юг – вот и дуй туда. Коли еще раз попадешься мне здесь, сразу вешайся на рее. Самостоятельно. Иначе живые позавидуют мертвым. Понял? Волга-матушка слишком узкая река для двоих пиратов. Остаться должен только один!

Сказано было так убедительно, что Петр непроизвольно кивнул – а не собирался ведь.

– Хороший мальчик, – похвалил одноногий. – Тогда слушай. В команде у тебя замена. Сахар... то есть Шугай останется со мной. Он уже стар для всего этого, а еще хорохорится, вот и схлопотал пулю. Ты погубишь его по глупости, будет обидно. А с тобой пойдет мой подштурманец, Ерема Питух. Славный малый, давно мечтает о Карибах. Умеет определяться по солнцу и звездам, с ним не собьешься. Теперь держи полезный совет. Ты ведь разумеешь по-аглицки, я вижу...

– Французский у меня лучше.

– Даже не думай об этом. Французы уже история, нынче в южных морях вся сила у англичан. Ну-ка, парень, tell me your story.

Петр, запинаясь, начал рассказывать, кто он, откуда и почему собрался в пираты.

– Сойдет, – перебил одноногий. – Выговор ирландский – будто полный рот горячей картошки набил. Значит, выдавай себя за ирландца. Это не трудно, они похожи на русских, такая же пьянь мечтательная.

– Но почему я не могу быть русским? – хмуро спросил Петр.

– Потому что русских не бывает, – веско сказал одноногий. – Это они для самих себя есть. А все остальные в гробу их видали. Никому русские на хрен не сдались. С тех пор как государь наш Иван Грозный обозвал английскую королеву пошлой бабой, на русских окончательно наплевали и забыли.

Петр недоверчиво смотрел на одноногого. Осмыслить его речи было непросто.

– Парень, я знаю, что говорю. Недаром обошел все Карибы и вернулся живой да при золотишке. Я служил у Флинта квотермастером.

Тизенгаузен опустил глаза. Ему нечем было крыть.

– Имя оставь свое, Питер – терпимо для ирландца, – настаивал одноногий. – Прозвище выдумай покороче, чтобы запоминалось. Только не слишком кровавое. Иначе могут предложить ответить за него, хе-хе. А по происхождению будешь ты у нас...

Одноногий задумчиво оглянулся на Шугая.

– Ирландский лекарь, – решил он. – Ты и правда неплохо заштопал старика.

– Я капитан, – глухо напомнил Тизенгаузен. – Моряк.

– Моряк с печки бряк! – сказал одноногий, как отрезал. – И капитан дырявый кафтан. Вот ты кто на сегодняшний день.

Петр тоскливо огляделся. Команда барки издали скалила золотые зубы. Дед Шугай прихлебывал из бутылки и кивал – соглашайся, мол, дело тебе говорят. Тизенгаузен через силу расправил плечи и приосанился.

– Ладно, – сказал он. – Спасибо за науку, капитан Серебров. Ну, где этот ваш подштурманец?..

Еремей Питух оказался юн, румян, застенчив и красив, как девчонка.

– Что за прозвище такое – Питух? – спросил Тизенгаузен подозрительно.

– Дедушка был старостой, всю деревню пропил, – объяснил юноша, стыдливо краснея. – С тех пор мы и Питухи.

– А, ну это ладно, это бывает, – сказал Петр с облегчением. – Собирай вещички да ступай на борт. Назначаю тебя штурманом.

– У меня карта есть, – шепотом похвастался штурман.

– Бубновый валет? – съязвил Тизенгаузен.

Подошел дед Шугай, обнялись на прощанье.

– Ну, ты даешь, старый! – от души восхитился Петр. – У самого Флинта служил, надо же!

Дед Шугай метко заметил, что многие по юности делают глупости. Но он ни о чем не жалеет и уверен – у молодого барина все будет хорошо.

Одноногий поджидал у веревочной лестницы.

– Прощайте, капитан Серебров, – сказал Петр.

– Не спеши, парень. Я дам тебе еще урок напоследок. Ну-ка, скомандуй, чтобы твои обормоты перегружали все награбленное ко мне.

– По какому праву?! – взвился Петр, хватаясь за шпагу.

– По праву сильного, – одноногий едва заметно улыбнулся. – Если ты пират, то должен это понимать, не так ли?

Тизенгаузен сокрушенно вздохнул.

Он еще не совсем понял, но, кажется, начинал понимать.

* * *

Осторожно двигаясь в густом тумане, флагман эскадры Де Рюйтера вдруг с отчетливым хрустом подмял под себя что-то небольшое и деревянное.

Это оказалось уютное суденышко, на котором все то ли спали, то ли были мертвецки пьяны. Судно буквально развалилось, но команду удалось выловить и поднять на борт флагмана. Спасенные опасливо сгрудились на баке. Впереди плечом к плечу стояли капитан Петр Тизенгаузен, старпом Волобуев, канонир Оглоедов и юный штурман Еремей Питух.

– Как ваше имя, сударь? – спросил вахтенный офицер, наметанным глазом опознав в Тизенгаузене старшего.

– Питер... – начал Тизенгаузен. И тут громадный Волобуев случайно наступил ему на ногу.

– Блядь! – от души сказал капитан.

ООО «Психотроника»

**предлагает для офисов, подъездов,
парковок, детских площадок,
школьных и дошкольных учреждений
охранную систему нового поколения:**

«ЛЕЖАЧИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ»

Неподкупен. Непробиваем. Непролазен.

Лежачий Полицейский размещается непосредственно на проходе (проезде), который Вам необходимо контролировать (перекрыть).

Периодически Лежачий Полицейский шевелится, строит жуткие рожи и тычет оружием в произвольном направлении.

Дополнительные сервисные функции:

- спорадическая беспорядочная стрельба (патроны холодные) по заранее заданным секторам (допустима погрешность 15–20 градусов);
- нечленораздельные крики;
- громкий мат;
- угрозы, жалобы, предложения.

В комплекте поставки ящик водки, моющие средства, швабра, опытная уборщица.

Для блокирования открытых пространств заказывайте отгрузку подразделениями.

Лежачий Полицейский от ООО «Психотроника».

ОН ЛЕЖИТ, КАК СКАЛА!

Вооружен и отвратителен

NEW!!! Спецпредложение: Лежачий Проводник Служебной Собаки!

(собака трезвая)

Енот допрыгался

Сначала его прозвали Канада Кид, говорит Дядя. Потому что мелкий и с севера родом. Чего он оттуда сорвался, не знаю, врать не буду. Сам не рассказывал. Может, ухлопал кого не того. Да, наверное. Он был по молодости такой. Стрелок. Если до обеда ни разу не пульнул, считай, день прожил зря. Ну, вот. Приехал он, значит, представился местной публике, как тогда было принято, и нанялся объездчиком к ирландцам...

Опять салун в маленьком городке. Стук игральных костей, звон посуды, гул нетрезвых голосов. Не хватает только расстроенного пианино. Сегодня нет музыки. Будний день.

И как это он представился, твой Енот, чего у вас было принято, ты скажи, перебивает старика Рик-с-Пальцем. Небось въехал прямо в салун верхом и с ходу шерифа грохнул, да, а вы ему похлопали немножко, снисходительно так, мол, ничего, парень, сойдешь за ковбоя в ненастный день с большой дистанции!

Все смеются, даже Джонни Конь одобрительно хмыкает.

Ну, шерифа не шерифа, а вот депутата¹ он собирался

¹ Deputy (амер.) – сокращение от «deputy sheriff», на русский обычно переводится как «помощник шерифа», что некорректно, поскольку американский «де-

грохнуть, бросает Дядя небрежно. Но тот уклонился от поединка, а Енот не стал его дожимать.

Шутишь, не верит Рик-с-Пальцем.

У Рика на правой руке не гнется указательный палец, торчит вперед, это гремучка цапнула. Легко отделался.

Не шучу, говорит Дядя. Закажи круговую, услышишь, как было дело.

Старый вымогатель, бурчит Рик.

И заказывает.

Буквально через секунду, будто почуяв дармовую выпивку, в салун вваливается Папаша Плюх, но его мигом выталкивают за двери. Выталкивают, похоже, чуть энергичнее, чем надо, потому что Плюх с крыльца летит и, судя по звуку, падает в навоз.

Вот скотина немытая, говорит Рик. А ведь тоже небось с вами тут куролесил по молодости лет.

Бывало и такое, соглашается Дядя, утираясь рукавом. Куролесил. Хотя иногда страсть как утомлял своими выходками. Этот хрен потомственный алкоголик. Человек безответственный и непредсказуемый. Его однажды депутат Карлайл – ну, вы знаете, Карлайл, которого позже грохнул Билли Кид, – за мексиканца принял и хлыстом стеганул. Чтобы в луже посреди города не валялся. А Плюх встал, депутата хватить за грудки и с добычей – плюх обратно! И битый час мы его упрашивали вернуть городу незаконно удерживаемого в

луже представителя власти. Плюх тогда крепкий был парень, тридцать лет назад. Но уже насквозь проспиртованный. Ре-вольвер специально пропил, чтобы не застрелиться ненароком. А вот попомните мои слова, он еще всех нас переживет. Так, прямо из лужи, в двадцатый век и шагнет. Точнее, вползет.

Не исключено. Насколько я вижу, запас здоровья у Плюха достаточный. Вот уж трагическая фигура, нереализовавшийся воин. На его беду, здесь не было недостатка в воинах гораздо более сильных. Взять хотя бы Енота.

Ладно, давай про Енота, напоминает Рик.

Кстати, Енот тут очень даже при чем, говорит Дядя. Наш Огги – ну, который Плюх, – может, жизнью Еноту обязан. Огест Вильям Чарлтон, вот как его звать-то, пьянчугу. Вечно он надирался при первой же возможности и совершенно вусмерть. И именно Енот подсказал ему: пропей, Огги, ре-вольвер. Пока ты не разглядел однажды с утраца своего отражения в луже и не понял, что этой образине нет смысла жить... Надо же, а я забыл!

С улицы доносится профессиональная ругань бывалого объездчика. Это Огест Вильям Чарлтон озвучивает свое отношение к навозу.

Просто ты сочиняешь, говорит Рик. А что у вашего Огги связано с лужами? Сколько помню себя, Папаша Плюх куда-то плюхается. Мне еще мама говорила – будешь пить, станешь такой же. Ну вот я пью, пью – не получается. Наверное,

у Плюха талант.

Все опять смеются, только Джонни Конь и бровью не ведет.

Дурачье вы, говорит Дядя. Когда идет сильно пьяный человек – где поскользнется? Там, где мокро. А у нашего Огги действительно талант – он умудряется ходить в таком состоянии, в каком любой другой лежал бы. Вот и собрал все лужи в графстве. Вы бы видели, как он с лошади падал! Театр. Цирк. Идет по улице шериф Даггетт – ну, тот, вы знаете, которого позже грохнул Билл Манни... Топают злой, как сто чертей, потому что у него корова сдохла. А навстречу едет Огги и вдруг прямо шерифу под ноги с коня в лужу – плюх! Шериф весь в грязище, Огги носом вниз пытается заснуть и булькает. Неудобно ему, болезному. Шериф стоит, утирается и думает – может, ну его к дьяволу, этого вечно пьяного объездчика, пусть себе тонет. А дело было прямо в центре города, собственно во-он там, между салуном и заведением мамыши Шварцкопф, и лужа по сей день на месте... Шериф Даггетт потом говорил: ну очень ему хотелось, чтобы в городе, где нет даже ручейка, появился собственный настоящий утопленник!..

Я больше не закажу, говорит Рик, даже и не думай.

Джонни Конь оглядывается на бармена и щелкает пальцами.

Вот это пример настоящего благородства, говорит Дядя. Как в старые добрые времена. Спасибо, Конь. Помнишь

ведь, у меня когда звенело-шуршало в кармане, я всегда угощал. И ты угощал.

К столу подбегает мальчишка-подавальщик с бутылкой коричневой отравы. Здесь это называют «виски».

Заливаешь, Дядя, его здесь не было тогда, Коня-то, напоминает Рик.

И хорошо, что не было, кивает Дядя. Пристрелили бы к черту еще одного порядочного человека. Тот же Огги ему запулил бы. Или тот же Енот. А чего, спрашивается, с нас было взять: деревня деревней. Нормальные молодые идиоты. Кровь горячая, руки чешутся, культуры никакой. И вокруг пейзаж – глаза бы не смотрели. Почты нет, телеграфа нет, железной дороги нет, китайской прачечной нет, одни лужи и навоз. Из примет цивилизации только кузница – Дядя отгибает пальцы, – салун, заведение мамы Шварцкопф и офис шерифа. Что еще? Ну, церковь, допустим, но она как-то не сильно влияла. Короче, общая дикость и ветхозаветная простота. Не понравилась чья морда – шарах в нее, и готово. А уж если морда красная... Джонни, ты не обижаешься? И правильно. Да, Конь приехал гораздо позже. А как приехал, сразу всех угостил.

И вас с Енотом, вворачивает Рик.

Не уверен, говорит Дядя. Не уверен. По-моему, Енот к тому моменту уже допрыгался.

Джонни Конь молча кивает.

Мы очень переживали, говорит Дядя. И радовались за

Енота, и переживали. Боялись. В такую странную историю он влип...

Почему Енот-то, спрашивает Рик.

Может, ему на роду написано было, разводит руками Дядя. Именно ему, самому непоседливому и резкому из нас.

Нет-нет, отмахивается Рик, ты сначала объясни, почему он – Енот?

Похож, вот и Енот. Я еще не видел его, но все и так понятно – по выражению лица Дяди.

А почему я Дядя, отвечает вопросом на вопрос Дядя. Потому что Сэм Андерсон². Ну, Огги понятно, отчего Плюх. А у Енота была круглая бобровая шапочка с енотовым хвостом. И сам он юркий, подвижный, с хитрой такой мордочкой. Вот и получился – Енот. Никогда не жаловался, между прочим. Маленький, да... Помню, останавливался у нас проездом Док Холлидей – ну, знаете, тот, который умер от чихотки, – картишками дергал в заведении у мамы Шварцкопф. И вздумалось ему задеть Енота. А Енот всегда носил два револьвера, один нормальный «кольт» эсэйэй, а другой – «байнтлайн» с длиннющим стволом и приставной кобурой. Лупил из него всякую живность, как из винчестера. Где добыл, не рассказывал. Может, ухлопал кого. Да, наверное. И, в общем, то ли Холлидею не понравился Енот, то ли понра-

² Некто Сэм Андерсон поставлял солонину по контракту с армией. И якобы на недоуменный вопрос прохожего – что означает маркировка US-UA на бочках, – грузчики ответили: Дядя Сэм (Uncle Sam) Андерсон. Сегодня это один из фрагментов самой распространенной легенды о возникновении образа Дяди Сэма.

вился его револьвер, но Док возьми и ляпни: обычно самую длинную пушку выбирает тот, у кого своя коротенькая. Мы все притихли, ну, думаем, началось. А Енот, вместо того чтобы вызвать Дока на улицу, просто скромно улыбнулся, расстегнул штаны и – показал.

Дядя выдерживает паузу. Джонни Конь не шевелится. Рик тоже. Я оглядываюсь на бармена и киваю.

Спасибо, молодой человек, говорит Дядя. Вот пример истинной учтивости. Было время, когда демонстрация хорошего воспитания считалась естественным делом и не предполагала благодарности. Но в эпоху коммерциализации всего и вся, когда миром правит доллар... Эх! Ваше здоровье.

И Енот – показал Холлидею, напоминает Рик.

О да, усмехается Дядя, там было на что посмотреть! Мы-то знали. Енот не раз говорил, что сам такой щуплый, потому что весь в корень пошел. Ну и девицы из заведения мамы Шварцкопф делились впечатлениями. А Холлидей как глянул, прямо окаменел. Потом встал, сказал «приношу извинения, сэр» и церемонно протянул Еноту руку. И Енот, по-прежнему с расстегнутыми штанами, руку его пожал.

Холлидей заказал шампанского, и они сели играть в покер, досказывает за Дядю Рик.

Енот не играл с шулерами, мотает головой Дядя. Слишком умный был для этого. С Холлидеем сели мы. Потом хотели вымазать его дегтем и извалять в перьях, но ограничились тем, что отняли проигранные деньги. Нехорошо показа-

лось унижать больного человека, он уже вовсю кашлял, бедняга Холлидей. Черт побери, какие люди тут бывали!

Билли Кид, Санденс Кид и Канада Кид, хохочет Рик. А братья Клэнтоны мимо не проезжали?

Джонни Конь презрительно косится на Рика.

Ну, ладно, бормочет Рик. Ну, ладно.

Машет бармену.

Как помалу теперь наливают, ты заметил, Конь, говорит Дядя. Все дорожает. Я давно заметил, едва что-то становится лучше, оно сразу дорожает. В былые времена мы пили чудовищную дрянь, настоящую огненную воду, но порции были мужские и стоили ерунду. Сколько мы пили! Что мы вытворяли! По выходным, когда приезжали ребята с дальних ранчо, и начиналось веселье, все мужчины, и пришлые, и местные, сдавали револьверы шерифу. Вы могли видеть в офисе такие полки с ячейками, на которых сейчас лежат бумаги. А раньше люди заходили и клали в ячейки свои пояса. От греха подальше. Никто нас не заставлял, сами договорились, с подачи того же Енота, кстати... М-да, было время... Братья Клэнтоны, значит? Это которых потом застрелил шериф Эрп в О'Кей-Коррале? Ну-ну. Ну-ну.

Не сердись, Дядя, говорит Рик. Я так, для красного словца.

Будут тебе и Клэнтоны, обещает Дядя многозначительно.

С улицы доносится удалая разбойничья песня. Огест Вильям Чарлтон развлекается. Ему хорошо.

Кто-нибудь, заткните этого алкоголика, кричит бармен.

Этот алкоголик, говорит Дядя тихонько, первым встретил Клэнтонов, атаковавших наш город. Окажись он тогда по-резвее, мерзавцы не прославили бы шерифа Эрпа. Не дожили бы. Понимаешь, Рик, малыш, знаменитый бандит – это тот, кто не нарвался в самом начале карьеры на хладнокровного и меткого стрелка. С возрастом бандит наглеет, становится опытнее, а его дурная слава бежит впереди и распугивает людишек... Огги мог пришить Клэнтонов дважды. У них счета очень старые. Думаешь, братцы всегда грабили дилижансы и банки? Ха-ха. Они занялись этим, поняв, что ремесло грабителя куда безопаснее, чем бизнес угонщика скота. Братья были совсем щенята, да и Плюх еще сопляк, когда они схлестнулись в первый раз из-за стада, которое Огги охранял. И не схлопочи он тогда пулю в ногу, неизвестно, чем бы все закончилось. Но в первый раз ему не повезло, а во второй он уже не попал бы из артиллерийского орудия в офис шерифа с десяти шагов. Еще Клэнтонов мог застрелить Енот. Запросто мог. Но ему не дали. М-да. Он к тому моменту уже...

Допрыгался, говорит Рик.

Рик доволен, что разговор опять свернул на Енота. Дядя нехорошо щурится, вспоминая Клэнтонов. Дядя единственный из местных стариков, кто по-прежнему открыто носит револьвер и вроде бы неплохо с ним управляется. Персонаж из учебника новейшей истории. Новейшей, да, но исто-

риш, да.

Мы с Риком одновременно машем бармену. Рик смеется.

Вот надерусь сегодня, мечтательно говорит Дядя, и зава-люсь к мамаше Шварцкопф. Будем с ней плакаться друг дру-гу в жилетку и горевать об ушедшей молодости. Присоеди-няйся, Конь, тебе ведь тоже есть что вспомнить.

Джонни Конь едва заметно кивает.

А вышло так с Енотом, говорит Дядя. Нам в ту пору всем сравнялось лет по тридцать. Это сейчас ты и в тридцать мо-жешь ходить дурак дураком, а тогда выросли рано. У ме-ня уже трое детишек по дому бегало. Ответственность, са-ми понимаете. Особо не забалуешь. Я служил управляющим на одном ранчо. А Енот был старшим объездчиком у сосе-дей и все подумывал, не перебраться ли в город. Очень зва-ли его в депутаты, а там, глядишь, и шерифом стал бы. Он справедливый был, Енот, хотя и резкий. Знали за ним та-кое: не выносит человек подлости и мухлежа. Он потому и в управляющие не пошел. Должность непростая, хочешь сам жить и быть в чести у хозяина – умеи искать выгоду. Сегодня чужих обсчитаешь, завтра своим недоплатишь, послезавтра договоришься со сволочью какой вместо того, чтобы к черту ее послать. Или вдруг прискачут молодые идиоты и скажут: мы тут подумали, мистер Андерсон, и пришли к выводу, что вы нам должны триста долларов за тот мордобой в прошлом сентябре и еще семьсот за то, что мы не угоняли ваш скот... И поди им надери уши. Нет, Енот не годился в управляющие.

Он бы погиб на этой работе. Натурально.

А еще у него жениться не получалось никак. Влюблялся он постоянно, не реже раза в году и обязательно вдребезги, на всю жизнь. Букеты цветов, трогательные записочки, тайные свидания. Сам ходил принаряженный, счастливый, добрый, трезвый, всем улыбался, а потом – бац! Увы, говорил, опять не повезло. Опять что-то не то. Горевал, запивал, становился опасен. Однажды Плюха без малейшего повода вынул из лужи и набил ему морду. Сказал потом – даже этого придурка кто-то любит просто таким, какой он есть, а меня никто! Искал, понимаете ли, идеальную себе подругу...

Дядя умолкает, задумавшись, и вдруг оказывается, что в салуне очень шумно, людно, накурено. И довольно опасно для чужака.

Раньше мне было неудобно в салунах. Но теперь я стараюсь не обращать внимания на атмосферу. Вижу лишь то, что хочу разглядеть, и слышу лишь тех, кого мне нужно слышать. Иначе страшно.

И вот, продолжает Дядя, сели мы как-то воскресным днем, чуть ли не за этим самым столом, поболтать о жизни. Ну а потом к мамаше Шварцкопф собирались. И тут шериф вбегает, морда злая, кричит – опять! Опять красножопые, чтоб им пусто было!.. Конь, ты меня простишь за эпитеты? Ты-то знаешь эту историю. Из песни слова не выкинешь, как говорится.

У вас же был с индейцами договор, мне дед рассказывал,

вспоминает Рик.

Разумеется. Мы с ними по-человечески обращались, говорит Дядя. Это, конечно, если бы племя было сильное, началась бы война. А так как индейцев всего ничего в округе водилось, то к ним подъехали чинно-благородно и сказали: эй, мужики, мы не хотим неприятностей, держитесь от нашего хозяйства подальше, и все останутся живы. Ну, они посмотрели, сколько у нас стволов, покочевряжились чуток для пущей важности, выторговали себе охотничьи уголья получше, огненной воды два бочонка, сколько-то кожаных штанов... В общем, нормальные оказались ребята. У них ведь свой индейский телеграф работал. Они знали прекрасно, как белые люди порядки наводят. И, понимая нашу к ним доброту, старались договор соблюдать. Но иногда, обычно почему-то весной, ихним молодым идиотам моча в голову ударяла. Налетят на дальнее ранчо, постреляют в воздух, лошадей наворуют... Слушай, Конь, ты хоть и полукровка, но ведь должен знать. Вот объясни, чего индейцы такие больные насчет лошадей?

Джонни Конь оживает и произносит первую за вечер фразу.

Индеец без коня, как птица без крыльев, надменно бросает Джонни Конь.

И оглядывается на бармена.

Люблю, как он это. Гордо так, говорит Дядя. Вы ж не знаете, он когда в городе объявился, у него пытались жеребца

выторговать, потом в карты выиграть, потом украсть, потом отнять. Ох, какой был жеребец. Ох, как Джонни отдубасил тут некоторых из-за него. Чего бы и не отдубасить, кулачищи громадные, кузнец, черт возьми. Разозлился, уехать хотел, насилиу отговорили. Твое здоровье, Джонни.

Джонни Конь произносит вторую фразу.

Вам тогда нужен был не кузнец, а гробовщик, говорит Джонни Конь.

Гробы мастерить дело нехитрое, хихикает Дядя. Это мы умели. А вот хорошего кузнеца, чтобы лошадей по-настоящему любил и понимал, поди найди. Надеюсь, ты не обижаешься за тот случай, Джонни. Нельзя тридцать лет носить в себе обиду. Это совершенно не по-христиански... Все, все, молчу!

Ты не молчи, ты про Енота давай, требует Рик.

Значит, вбегает шериф, начинает заново Дядя, и кричит – опять красножопые, так их и разэта! Спрашиваем – что случилось? Оказывается, прискакал мальчишка с одного из дальних ранчо, сказал, налетели индейцы, угнали лошадей и украли бабу. Ну, баба там была такая... Знали мы эту бабу. Ее даже индейцы могли украсть только ночью. Безлунной и дождливой. Но, конечно, непорядок. Енот, тот просто зубы стиснул, встал и молча пошел седлать. Мы ему – погоди, а он – вы пока соберетесь, красножопых уже след простынет. Между прочим, отменный был следопыт, лучший из нас. Сказал, потихоньку-полегоньку двинет вперед, и либо

мы его нагоним, либо он разведает, где у индейцев лагерь, и встретит нас на полпути. Пытались его утихомирить, а он ни в какую. И таки уехал один. Мы когда тронулись, не меньше часа прошло. Поскакали, тут сумерки, потом стемнело, ни черта не видать, мы дважды с дороги сбились и отстали от Енота сильно. На том ранчо решили заночевать. И среди ночи услышали: где-то далеко за холмами бу-бух! Будто скалу динамитом рванули. Один из наших, который на каменоломне срок отбывал, даже крикнул спросонья – огонь в дыре!³ Выскочили из дома, кто с револьвером, кто без штанов, и на горизонте разглядели странное такое синеватое зарево. Удивились все очень. А наутро, едва позавтракали, видим – скачет Енот. И поперек седла лежит у него тело, в плащ замотанное.

Баба, говорит Рик.

Баба, говорит Дядя. Да не та.

Погоди, говорит Рик. Не может быть.

Погожу, говорит Дядя. Я еще много выпить в состоянии. Мне сегодня надо, чтобы до слез пробрало. Ностальгия у меня.

Рик поднимается и идет к стойке. Бармен кивает ему – не извольте беспокоиться, сударь. Значит, Рик вполне кредитоспособен. А вот Дяде здесь не полагается ни стопочки

³ «Fire in the hole!» – предупредительный возглас при взрывных работах. Был заимствован военными подрывниками и широко распространен в американской армии, применяется до сих пор, например при бросе гранаты в закрытый объем.

даже за наличные.

Этот салун принадлежит Дяде на восемьдесят процентов. Поэтому Дядя запретил себя обслуживать. Только если угостят. Боится пропить бизнес.

Интересный тут народ. Есть в нем какая-то первозданная чистота помыслов.

Если бы только не эта агрессия, которой они буквально дышат...

Мне не страшно.

Мне не страшно.

И хватит думать об этом.

Неужели она, качает головой Рик, неужели она? Конечно она, кто же еще... Послушай, зачем ты это рассказываешь, думаешь, я поверю? Хотя да, да, как же иначе. Она.

Мы поверили, говорит Дядя. Все происходило у нас на глазах. Мы не знаем, откуда она взялась, но то, что было дальше... Этого у нас не отнимешь. Мы не выдумщики или там газетчики какие, мы свидетели. И Енот тоже ничего не выдумывал. Просто рассказал, что видел. Он скакал по следам индейцев, а когда стемнело, рискнул спешиться и осторожно продвигаться в том направлении, которое показалось ему верным. И тут за холмами рвануло. Он пошел туда. Лошадь упиралась, Енот привязал ее. Ползком забрался на холм и увидел лощину, залитую голубым светом. По лощине валялись какие-то обломки, и на траве лежала мертвая голая баба. Енот еще подумал, что индейцы ее использовали

и бросили. Он спустился вниз, пригляделся и понял, что это совсем не та баба. И вроде никто ее не пользовал, а она как бы в глубоком обмороке. И индейцев никаких поблизости. Свет угасал, тогда Енот замотал бабу в плащ и понес оттуда. Она небольшая была, ему под стать. И красивая, очень красивая, очень. Она и сейчас красивая.

Молодая, говорит Рик.

Все еще молодая, кивает Дядя. Не такая, как тридцать лет назад, но... Будто она за это время прожила от силы лет десять. Кстати, Енот тоже мог бы выглядеть постарше.

Я думаю об этом столько, сколько знаю ее, говорит Рик. Я вчера здоровался с ней на улице и думал об этом. В нее нельзя не влюбиться, правда, Дядя? Но она какая-то... Не такая, как мы.

Разумеется, говорит Дядя. Странно было бы предположить, будто женщина, зародившаяся из голубого огня в степи, окажется во всем подобна нам. Тем не менее физически она вполне человек, что засвидетельствовал доктор, который ее осматривал. Я бы немного больше сказал, но это уже выходит за рамки допустимого в приличном обществе.

Голубой огонь и обломки, бормочет Рик, голубой огонь и обломки. А что за обломки?

Железки, говорит Дядя. Непонятные бесполезные железки. Мы побоялись брать их в руки, очень уж это дело отдавало бесовщиной. Но я видел обломки своими глазами. Трое наших, и я в том числе, специально ездили проверить слова

Енота. Чтобы потом никто не посмел обвинить его во лжи. Обломки, наверное, и по сей день там, только в землю вросли, не забудь лопату. Могу показать на карте место.

Какой смысл, хмыкает Рик. Но что же это было?

Никто не знает, говорит Дядя. Может, знает она сама. И если знает, наверное, сообщила Еноту. А может, и нет. Для нас главным было то, что она человек. Доктор пошептался со священником, тот пришел, глянул на нее одним глазом... И сказал: красота ее, конечно, вызывает понятные опасения. Но то, что дочь сия ведет себя как новорожденное дитя, прямо указывает на чудо. А чудо – оно и есть чудо. Шапки прочь, всем смирно, помолимся. Сказал, как отрезал. Он ее и окрестил потом. Он такой был священник... Правильный. Бывший капеллан. Оружие терпеть не мог. Говорил, как увижу своего прихожанина с ружьем, так и подмывает схватить ружье за ствол да прихожанина – по башке прикладом!

Постой, а другую-то бабу нашли вы, спрашивает Рик.

Джонни Конь неожиданно фыркает.

Сама вернулась к осени, ухмыляется Дядя. Злая, как сто чертей. Мы ее искали, честно. Но индейцы, они тоже слышали взрыв и видели голубой свет. Перепугались, снялись с обжитого места и удрали к самой границе. С той поры их тут не водится.

И что же, говорит Рик, вот так все с таинственной женщиной устроилось само собой? Приняли как родную, выдали за Енота – и спокойно зажили?..

А как бы ты хотел, удивляется Дядя. Здесь тебе не Вашингтон. И даже не Линкольн. Съезди на север, там тебе расскажут про Бродячего Духа. На западе – про Человека-Жука. Нечисти вокруг до черта. Говорящие койоты, рогатые змеи... И поди разберись, правда это нечисть или чья-то белая горячка вышла погулять.

Я разбирался. И на севере, и на западе. Я побывал везде и вот добрался сюда. Удивительно, как просто они утаили свое местное чудо. Взяли и ассимилировали его.

Но зато сохранили.

А могли... Страшно подумать, что могли сделать с беспомощной девушкой эти существа, порой стрелявшие друг в друга, если не попадалось более достойной мишени. Дядя о таком не расскажет, не вспомнит, он постарался забыть, хорошо постарался.

Он ведь тоже был когда-то «молодым идиотом». И он, и этот сказочно благородный Енот. И милейший Огест Вильям Чарлтон, мирно дремлющий в навозе у крыльца. Ой, неспроста забавный алкоголик Плюх так ненавидел страшных братьев Клэнтонов...

Убийцы. Грабители. Насильники.

Я отвлекся. Это простительно – мне все уже ясно.

А Дядя говорит.

Енот сказал: я ее нашел, она будет моя. Мы согласились. А дальше... Понимаешь, говорит Дядя, я не могу утверждать, что она сломала Еноту жизнь, боже упаси. Но все у него

пошло наперекосяк. Когда бедняжка очнулась – примерно через сутки после того, как ее нашли, – она была не просто слаба, будто новорожденная. Он и вела себя как младенец. Не умела говорить, не умела ничего делать, на ноги ее ставили доктор и Енот вместе. А она только глядела во все стороны огромными своими глазищами и иногда тихо плакала. Даже жевать пришлось ее учить, я уж молчу об остальном. И тогда Енот стал ее нянькой. Он уволился с ранчо, перебрался в город, снял домишко на отшибе и забрал девушку к себе. Ну, если честно, Еноту много помогали. Потому что она почти всем понравилась с первого взгляда. А кому не понравилась, того попросили не распространяться об этом. Знаешь, я так подумал, реши священник объявить ее отродьем дьявола, у него возникли бы проблемы. Но это я подумал много позже и в чисто философском плане. А тогда все поняли, что нам на голову свалился ангел. И уж если кому-то должно было достаться такое счастье, то, конечно, Еноту, невезучему в любви. Сама мамаша Шварцкопф натаскивала девушку готовить и шить. Доктор преподавал ей гигиену и всякие другие полезные вещи. Священник вел с девушкой беседы о божественном. И фактически научил ее говорить. Хотя рот она открывает редко. Что выгодно отличает ее от большинства местных дам. Но ее и так понимаешь, просто по взгляду. С Енотом она, кажется, не разговаривает вообще. Им это ни к чему. Заметь, она с самого начала знала, кто ее спас, и глядела на Енота как на божество. А может, он ей тоже с

первого взгляда понравился. Когда ей было плохо, когда она плакала, едва приходил Енот, она кидалась к нему в объятия и успокаивалась.

И наконец, их обвенчали, заканчивает историю Рик. Года через два, да, после того, как она тут появилась.

Около того, кивает Дядя. Жених напялил звезду депутата, невеста учтиво щебетала благодарности, весь город перепился в хлам. Енот взял ссуду и переехал в дом на главной улице, во-он тот, отсюда видно. Казалось, теперь всеобщему счастью не будет конца... Кстати, о концах. Что-то у нас тут пусто.

Упреждая движение Рика, я показываю бармену на наш столик. Джонни Конь странно косится на меня. Вероятно, ему шестое индейское чувство подсказывает, что никакой я не коммивояжер.

У них спальня на втором этаже, хихикает Дядя. И даже сейчас, если пройти ночью мимо, услышишь, как весь дом ходит ходуном. В этом смысле они редкостно счастливая пара. То, что нет детей... Такое случается. Это горе, конечно, но тут все в руке Божьей. А может, она и правда ангел, и тогда какие уж дети от брака с простым смертным. Было время, я склонялся к мысли, что она именно ангел. Сейчас мне как-то все равно, не те мои годы ломать голову над чужими проблемами, а раньше я искал разгадку. И только в ангельской сущности жены Енота мог ее найти.

Несколько секунд Дядя молчит, глядя в пустую стопку.

Потому что не может обычная женщина так переменить взрослого самостоятельного мужчину, бормочет Дядя. Мужчину, который способен всадить весь барабан в консервную банку, крутящуюся на конце веревки, и побриться в темноте.

Джонни Конь хмыкает и выдает странную ремарку.

Баба не мужик, говорит Джонни Конь.

Несколько мгновений Рик и Дядя оторопело глядят на Коня.

Сильное высказывание, говорит Дядя. Умри, не оспоришь.

М-да... Побриться в темноте и я могу, замечает Рик. А вот насчет консервной банки... Не пробовал. И не буду.

Началось все с выпивки, говорит Дядя. Енот стал гораздо реже заглядывать в салун. Мы над ним подтрунивали – мол, дело молодое, силы уходят понятно куда, какое уж тут питье. Но однажды в его дежурство я сильно перебрал. И Енот, добрая душа, отвел меня под руку в офис шерифа проспаться. Чтобы моя благоверная не учинила надо мной расправу – водилось за ней такое. Когда город более-менее утих, Енот вытащил бутылку, налил мне добавить и сам моментально надрызгался. И пожаловался, что жена терпеть не может, когда он пьет. Она не кричит, не ругается, а просто закрывается от него. Я переспросил – запирается на замок? Енот посмотрел на меня как на полного осла, потом горько рассмеялся и сказал – ну да, что-то в этом роде. И когда она закрывается, Еноту очень плохо, поэтому он пьет только по праздникам

или если совсем тоска накатит. Как вы вообще – поинтересовался я. И Енота прорвало! Он, похоже, никому не рассказывал столько. Жаль, что я был пьян и запомнил лишь самое главное. Но зато я поверил!

Енот с женой общались без слов. Она знала все его мысли, предугадывала все желания. Если он грустил, она просто гладила его по голове, и ему становилось легко. Если Енот веселился – радовалась с ним вместе. Они были совершенно безоблачно счастливы вдвоем. И ради этого Енот готов был на многое, даже на отказ от рюмки. Правда, тогда он еще надеялся, что пойдут дети. Ему на ум не шло, что такого может не быть. Он не знал, а чувствовал – именно чувствовал, – как жена восхищается им. Рассказывал, как она любит его телом и душой. Да, да, именно так он говорил.

Согласитесь, за такое отношение мужчина готов в лепешку расшибиться. А уж если он сам женщину искренне любит – то и любого в лепешку расшибить.

И вот как раз с этим встала новая проблема.

Еноту в те годы не приходилось стрелять. Он, конечно, тренировался, весь забор издырявил на заднем дворе. И на охоту ходил. Но поднимать ствол на человека ему просто не было нужды. Да что там ствол – руку поднимать! Енота слишком уважали в городе. Шериф или депутат в этом смысле похож на бандита: сначала работает на славу, потом слава работает на него. Когда приходилось утихомиривать разгулявшуюся пьянь, Еноту хватало грозного окрика. Ну, и об-

щина стояла за парня горой. Если кто на Енота лез, тут же находилось до черта желающих скрутить смутьяна. Пусть и таких же пьяных, но вполне мирно настроенных. И еще, сами понимаете, когда подходит и читает нотацию депутат, едва достающий тебе до плеча... Нужно быть последней дрянью, чтобы такого обидеть. Тем более депутат всегда прав и никогда ни от кого не требует лишнего или невыполнимого. Повторяю: он справедливый был, Енот. Он и сейчас ничуть не хуже.

А потом в город сунулась на разведку мелкая сошка из банды Клэнтонов. Покрутилась тут, покрутилась там... Шериф смекнул, к чему идет дело, они с Енотом пригласили шпиона в офис и передали Клэнтонам совет держаться от города подальше. Сначала хотели вырезать совет у шпиона на заднице, но обошлись словесным внушением. Город ошестинился стволами и стал ждать налета. Клэнтоны всегда атаковали в лоб, когда знали, что готовится теплая встреча. Не просачивались втихаря, к банку поближе, а нагло заезжали по главной улице развернутым строем, пуляя по окнам и гогоча. Наверное, этим напором и объяснялись все их успехи. Шериф Эрп прищулил братцев, потому что они вконец распоясались и потеряли осторожность. Были пьяны с утра до ночи и совершенно ничего не соображали. Хвати у Клэнтонов ума понять, насколько Эрп достойный противник... их бы убил попозже какой-нибудь другой шериф.

На нас Клэнтоны наскочили, когда еще не успели оконча-

тельно пропить мозги. Мы ждали атаки месяца, но ее все не было. Следов банды в окрестностях никто не замечал. Тогда мы расслабились. Сняли караулы. Тут-то банда и подкралась. Воскресным вечером. Мы на всякий случай разрешили ношение оружия по выходным, но много ли с того толку, когда полгорода уже не отличит ствола от приклада, а посреди дороги лежит Плюх.

Надо отдать Плюху должное. Валяясь ухом на земле, он первым услышал топот копыт. Вскочил, крикнул «Тревога!», бросился к салуну, выдернул из-под крыльца винчестер – откуда только узнал! – и открыл стрельбу. Все его пули угодили в заведение мамыши Шварцкопф, но шуму он наделал преизрядно.

Клэнтонов было человек шесть или восемь, но уж точно меньше десяти. Они заорали и рванули во весь опор, стреляя по дверям и окнам салуна, чтобы не дать народу высунуться. Появились первые раненые, началась паника. Новый дом Енота стоял на главной улице, и, когда банда проезжала мимо, из-за угла показались стволы. Там прятался сам хозяин, очень спокойный, с обоими своими револьверами в руках и дробовиком на плече.

То, что половина банды сыграла бы в гроб прямо из седла, удайся Еноту его засада, я вам гарантирую.

Но случилось непредвиденное. Раздался пронзительный крик, такой громкий, что его услышал чуть ли не весь город, и на Енота из окна прыгнула его супруга. Она схватила мужа

за руки, сшибла на землю и упала сверху.

Кажется, Енот успел произвести один выстрел, но, скорее всего, непроизвольный.

Лошади налетчиков дружно шарахнулись в сторону, банда слегка замешкалась, и кто-то из подручных Клэнтонов словил-таки пулю, выпущенную с крыльца салуна. Так что, в принципе, Енот городу помог.

Клэнтоны несколько раз выстрелили в проулок, где катались по пыли, немилосердно волтузя друг друга, Енот с женой, но промахнулись.

Дальше были анархия и бедлам, в результате которых городу остались два трупа налетчиков, с дюжину своих раненых, опустошенный банк и потерявший лицо Енот. Да, еще Плюх успел под шумок стащить в салуне бутылку виски и тут же ее выжрать.

А Енот наавтра явился к шерифу. Положил на стол звезду депутата. И сказал, пряча глаза, – прости, я больше не могу исполнять свои обязанности. Мне, понимаешь ли, нельзя стрелять в людей.

Религия запрещает, да, съязвил шериф, баюкая перевязанную руку.

Жена, сказал Енот. Извини, сказал. Можешь отдать меня под суд за то, что я в ответственный момент не защитил город. Но я иначе не могу. Повернулся и ушел. Шериф крикнул ему вслед, что пригласит на вакантную должность алкоголика Плюха, от того больше толку – но Еноту, похоже, бы-

ло все равно.

Через десять лет мы забрали его назад, говорит Дядя. Вот и вся история.

И выразительно стучает доньшиком пустой стопки по столешнице.

Как это – забрали, удивляется Рик. Енот уезжал? А я и не знал.

Машет бармену.

Взяли бы сразу бутылку, говорит бармен, мой пацан запарился бегать, сейчас же не воскресенье, больше подавальщиков нет.

Пусть быстрее шевелится, советует Дядя, вот и на второго ежедневного подавальщика заработаете.

А вы больше экономьте, бурчит под нос бармен.

Дорого все, вздыхает Дядя, все очень дорого. И дальше будет только дороже. Цивилизация наступает, черт ее побери. Навыдумывали бесполезных финтифлюшек и дерут за них деньги. Вот, например, ты, парень, запомнил я, что ты продаешь?

Расходные материалы и запчасти для швейных машин, сэр.

А-а, говорит Дядя, ну это ладно.

Два чемодана барахла, хотите покажу, сэр? Возьмите хотя бы рекламный проспект, супруге вашей пригодится. Закажет себе что-нибудь по почте.

Ладно, повторяет Дядя. Расслабься, парень. Просто мне

показалось вдруг, что ты газетчик. Физиономия у тебя... Нарочито простецкая.

А вы много видели коммивояжеров с хитрыми мордами, сэр? Простота и открытость – наш бизнес. Я должен вызывать расположение, иначе ничего не продам. Внутри-то я редкий хитрец, конечно.

Дядя и Рик одобрительно смеются.

А Джонни Конь окончательно уверился в том, что я не коммивояжер.

Твое здоровье, парень, говорит Дядя.

Ваше здоровье, господа.

Так все-таки про Енота, Рик теребит Дядю, откуда вы его забрали, я думал, он всегда тут жил.

Енот укатил в тот же день, говорит Дядя. Прикупил захудалую ферму и стал помаленьку крестьянствовать. Изредка заезжал в город за припасами, ну и на ярмарках мы его встречали. Перекидывались словечком-другим. Он изменился заметно, стал тихий, смирный, рассудительный. Прямо, кажется, дай по шее, не ответит. Помню, наш Плюх все кипятился – чего это Енот такой просветленный, аж до отвращения, не съездить ли ему в ухо? Ну и съездил однажды. Ка-ак Енот схватил оглоблю да ка-ак перекрестил ею старого приятеля... И тут я увидел, что в Еноте много чего осталось от того ушлого парня, которого мы помнили. Главное, в нем жили боль и тоска по Еноту прежнему. Он, конечно, допрыгался с этими поисками идеальной женщины и этой безумной ро-

мантической любовью. Попал в западню, которую поставил сам на себя. Но теперь я знал, как можно все вернуть назад. Если не все, то основное.

Это было не бескорыстно. У нас проворовался городской казначей, да столько украл, подлец, что едва удалось отбить его у толпы линчевателей. И мы искали честного парня на замену. Весь город засмущали вопросами. Подходили и спрашивали – будешь, сволочь, воровать?! Вы не смейтесь, дело серьезное. В общем, когда нам это надоело, мы сели на лошадей и поскакали к Еноту. Как бы провести.

А она стояла у ворот фермы, будто ждала нас. Мы посмотрели на нее и дружно потеряли дар речи. Подошел Енот. Тоже молча. И тут мы поняли, какая пропасть лежит между нами и этой странной парой. Десять лет мы их толком не видели. Кого мы зовем в город, черт побери? С чего мы взяли, что знаем этих людей? И могут ли они зваться людьми? Свежие, молодые, с острыми живыми глазами, они разглядывали нас, а мы – их. И мы казались себе дряхлыми стариками, и плечи наши сгибались под тяжестью бесчисленных грехов. А она... Да ладно, какие претензии к ангелу – но Енот?! Ведь был такой же, как все мы, наемный стрелок с туманным прошлым. Знаете, в тот момент я готов был избить его. От ненависти к себе. Спрыгнуть с коня, и в грязь, в грязь ткнуть эту невинную морду! Но я понял, что именно себя ненавижу и презираю. И опомнился.

А Енот сказал – если мы вам очень нужны, ребята...

Именно так — «мы».

А она вообще ничего не сказала.

Вот. И хватит на сегодня. Догоняй меня, Джонни, если не передумал.

Дядя кивает Рiku и мне, встает и выходит из салуна.

Хм, говорит Рик, вы заметили, как ловко он замял историю про Енота и депутата, которого тот якобы собирался грохнуть? Они, конечно, были крутые парни, никто не спорит, но стреляться с городской властью — это чересчур даже для старых добрых времен. Да и чем Еноту помешал тот депутат...

Джонни Конь зачем-то косится на меня, поворачивается к Рiku.

Депутат задавал много вопросов, говорит Джонни Конь.

И пока Рик думает, как бы съязвить в ответ, двери салуна успевают захлопнуться за спиной Коня.

Они так со всеми тут, бурчит Рик, не обращайтесь внимания. Как с мальчишками. Они, видите ли, основали этот город, и теперь попробуй им чего скажи. Из них самые нормальные Плюх и Енот. Ну, Плюха вы видели, а Енот, он добрый и совсем не задирает нос. Я, конечно, только за глаза его зову Енотом, так-то он...

До свидания, мистер Рик. Пойду слегка проветрюсь, если вы не возражаете.

Хорошо на улице. Привольно и тихо. Даже Огест Вильям Чарлтон не раздражает. Я миную несколько домов, слегка

забираю влево, направляясь к крыльцу изящного двухэтажного здания, и резко останавливаюсь.

Здесь это называют «встал как вкопанный».

В меня целятся из винчестеров с трех разных крыш. А на веранде в кресле-качалке сидит Енот и крутит между пальцами мой значок федерального агента.

Он именно такой, как я его представлял, этот человек. Сухой, поджарый, некрупный, выглядит лет на сорок в свои шестьдесят и излучает опасность.

Своими руками он больше не убивает.

Они охотники, думает Енот. Привыкли ждать подолгу, сливаясь с местностью, понимаешь? Сливаясь не только телом, но и мысленно. Поэтому ты их и не заметил.

Я подхожу к веранде и облакачиваюсь на перила. Интересно мы выглядим, наверное, для стороннего наблюдателя – двое мужчин, беседующих молча.

Я пришел с миром. Вы же знаете.

Не знаю, думает Енот. Ты слишком долго разнюхивал тут. Мог бы сразу обратиться ко мне.

Стрелки на крышах поразительно спокойны. Но любое мое резкое движение спровоцирует огонь. Такой у них приказ.

Мне важно было выяснить, как все произошло.

Вот и выяснил бы у меня, думает Енот.

Мне уже случалось быть мишенью здесь. Неприятно, но увернуться можно. Однако сейчас я, кажется, попался.

Я здесь, чтобы оказать помощь, не более того.

Ты здорово поможешь, если уберешься из города.

И где-то за городской чертой со мной произойдет несчастный случай? Я читаю это в колючих глазах Енота.

Я не заберу ее у вас.

Не заберешь, кивает Енот. Не дам. Она моя.

У салуна проснулся Огест Вильям Чарлтон. Стоя на четвереньках, отряхивается от навоза.

Только разрешите мне поговорить с ней.

Ты же знаешь, разводит руками Енот, она не хочет этого. Она бы давно связалась с тобой. Меня она слышит за милю, а уж тебя-то...

Папаша Плюх медленно бредет по улице в нашу сторону. Лишь бы не плюхнулся снова.

Неужели вам самому не хочется узнать, откуда прибыла ваша жена? И кто она? Почему вы гоните меня?

Она моя жена, думает Енот. Мне этого достаточно.

Вещи придется бросить, очень жаль. Будет тут у кого-то шпулька от швейной машины, способная намотать на себя время, словно нить...

Я даже не пытаюсь вас переубедить. Вы сами принимаете решение. Мне только интересно – почему?

А вот не любим мы чужих, улыбается Енот.

...и приводной ремень для пространства.

Но вы сами уже не очень здешний, верно? Давайте пообщаемся чуть более раскованно. Я же полностью в вашей вла-

сти.

Вот я и прошу тебя убраться, думает Енот.

А значок федерального агента – что ж, подделка она и есть подделка.

Мне нужно совсем немного информации, и я действительно уберусь. Навсегда.

Твоя информация на втором этаже, показывает Енот. Попробуй, добудь ее.

Ну, провоцировать меня бессмысленно. Я сразу понял, что проиграл. Теперь надо спасать свою жизнь. Плюх делает еще несколько шагов, и все три стрелка на мгновение отвлекутся. Тогда я нырну в проход между домами.

Почему вы мне не верите?

Потому что ты не веришь самому себе, пареньь.

Ваш ход, Огест Вильям Чарлтон.

Эй, мистер, говорит Плюх. А не найдется ли у вас...

Я давно уже оглаживаю пальцем запонку на правом манжете. Короткий нажим. Облако тьмы на миг окутывает улицу. И я исчезаю. Я бегу так быстро, как не может никто здесь. Вот, я убежал. Спасся.

Прощайте.

Убийцы.

Мать твою, мать твою, мать твою, говорит Плюх, когда тьма рассеивается. Что это было? Енот! Здорово, старина, мать твою! Одолжи монету, а?

Подходят Дядя и Конь.

Как же он нас боится, говорит Енот, как же он нас боится.

Я вас не боюсь, заявляет Плюх, я никогда вас не боялся, кого угодно спросите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.